

А. В. Чиркова

Западноевропейская
дипломатика
Средних веков
и Раннего Нового времени

Нестор-История
Санкт-Петербург
2019

УДК 930.2
ББК 63.2; 63.3(0)4
Ч-64

Рецензенты:

к. и. н. Владимир Иванович Мажуга (СПбИИ РАН),
д. и. н., профессор Игорь Святославович Филиппов
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Научный редактор

к. и. н. Игорь Олегович Ермаченко (РГПУ им. А. И. Герцена)

Ч-64 Чиркова А. В.

Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 92 с.

ISBN 978-5-4469-1596-5

Предлагаемое вниманию читателя пособие представляет собой первый комплексный обзор западноевропейской дипломатики на русском языке — спустя более чем сто лет после лекционного курса Н. П. Лихачева (1862–1936) «Из лекций по дипломатике» (СПб., 1906), издававшегося по студенческим конспектам без правки автора. Настоящее пособие закрывает эту вековую лакуну, давая обзор новейших тенденций в развитии дисциплины и иллюстрируя общие тезисы примерами из подлинных средневековых памятников в отечественных и европейских хранилищах. В качестве иллюстраций приведены материалы из личной коллекции Н. П. Лихачева (ныне: Западноевропейская секция Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН).

В оформлении лицевой стороны обложки использовано открытое послание дожа Венеции Агостино Барбариго 13 сентября 1491 г. с удостоверением двух нотариальных актов (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 187, № 14).

На задней стороне обложки помещено изображение руэды с привилегии короля Леона и Кастилии Хуана II 3 января 1423 г. с удостоверением пожалования могущественному королевскому советнику Альваро де Луна прав на третью часть города Arévalo (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 292, № 4).

Фотографии 1, 14–16, 18, 19, 22, 23, 26 выполнены П. С. Демидовым, А. М. Кошкарковым и Л. Г. Хейфецем (Государственный Эрмитаж); фотографии 2–13, 17, 20, 21, 24, 25, 27 — А. В. Чирковой (СПбИИ РАН).

ISBN 978-5-4469-1596-5

УДК 930.2
ББК 63.2; 63.3(0)4

© А. В. Чиркова, 2019
© СПбИИ РАН, архивные документы, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Содержание

Введение.....	4
Выявление, атрибуция и публикация дипломатических памятников.....	8
Виды актового материала.....	16
Материал и формат средневековых актов.....	19
Письмо и художественное оформление средневековых актов	24
Формуляр средневековых актов.....	27
Способы валидации акта	32
Канцелярское делопроизводство	39
Оформление частноправовых актов	47
Формы сохранения и традиции актового материала	50
Рекомендации по начальной работе с актовым материалом	57
Рекомендованная литература.....	60
Иллюстрации.....	63

Введение

Дипломатика — это специальная историческая дисциплина, изучающая прежде всего письменные договоры и обладающие правовой силой волеизъявления (акты), но вместе с ними и другие памятники, имеющие правовую природу и составленные в соответствии с определенным формуляром. Название дисциплины происходит от греческого διπλωμα (от διπλόω — удваиваю, сдваиваю), в античные времена обозначавшего документ, записанный на двух табличках или пластинах, сложенных диптихом (т. е. лицевой стороной внутрь). Таким образом оформлялись подорожные, верительные письма и свидетельства о прохождении военной службы. В современной науке, изучающей историю Средневековья, под *дипломами* традиционно понимаются торжественно оформленные грамоты, изданные от имени западноевропейских императоров и королей. Средневековое делопроизводство, за некоторыми исключениями, практически не знало этого обозначения. В широкий обиход это понятие было введено заново лишь в первой половине XVI в. в форме *diplomata* — для обозначения совокупности письменных памятников, которые сейчас принято именовать *публичными актами* (т. е. волеизъявления носителей верховной власти, включая также грамоты римских пап, князей, герцогов и графов). Именно такое словоупотребление впервые встречается у гуманистов Гильома Бюде и Иоахима Вадияна¹. В последующие два столетия это собирательное понятие *дипломатических памятников* прочно вошло в словари средневековой латыни, труды юристов и эрудитов.

В этот же период, почти повсеместно отмеченный в ученой Европе выработкой основ для дальнейшей систематизации знаний, в том числе и об историческом прошлом, развернулись так называемые *bella diplomatica* («дипломатические войны»). Из политических, религиозных или экономических соображений юристы и историки-эрудиты оспаривали или, наоборот, стремились доказать права и полномочия тех или иных институтов путем критики обосновывающих эти права древних актов. Историческая критика документальных памятников, призванная оценить достоверность содержащихся в них сведений, уже имела к тому времени свою историю (самым ранним примером принято считать трактат Лоренцо Валлы 1440 г. «De falso credita et ementita Constantini Donatione

¹ У первого — в трактате «Annotationes in XXIV Pandectarum libros» 1508 г., у второго — в книге «Farrago antiquitatum Alamannicarum sive De collegiis et monasteriis Germaniae veteribus» 1537/38 г., известной по третьему тому «Alamannicarum rerum scriptores» юриста Мельхиора Гольдаста (Francoforti, 1606. P. 1–111).

declamatio»). Что же касается критики дипломатической, т.е. сосредоточенной на формуляре и внешнем оформлении документа, то до XVI–XVII вв. разработка ясных критериев подлинности, в том числе и в отношении старинных грамот, выступала естественной частью самой практики дело- и судопроизводства. Как прикладная дисциплина дипломатика имеет ту же историю, что и ее основной предмет — составление письменных актов. Для того чтобы стать дисциплиной научной, ей потребовалось отделиться от самого делопроизводства.

Ученая полемика эрудитов вокруг конкретных казусов естественным образом приводила к вопросу об общих принципах, которые могли бы лечь в основу атрибуции и определения подлинности юридических памятников, обеспечив опору историческому знанию в виде верных датировок. Один из таких «частных споров» привел к появлению труда, давшего название новой дисциплине — «*De re diplomatica libri VI*» (Parisii, 1681). Эти шесть книг, изданных одним томом, были написаны монахом бенедиктинской конгрегации св. Мавра Жаном Мабильоном как ответ иезуиту, отцу Даниэлю Папebroку, деятельному участнику издания «*Acta Sanctorum*», высказавшему во введении ко второму тому житий святых, чья память отмечается в апреле месяце (Antverpiae, 1675), сомнения в подлинности древнейших королевских дипломов из архива аббатства Сен-Дени и тем самым поставившему под вопрос результаты исторических разысканий ученых мавристов.

Если сочинение Папebroка, озаглавленное «*Propylaeum antiquarium circa veri ac falsi discrimen in vetustis membranis*», дало формулировку основной исследовательской задачи дипломатики — определение критериев подлинности старинных документов, то труд Мабильона ценен тем, что, помимо названия, предложил универсальный метод для выработки этих критериев: тщательное сравнение исследуемого памятника с аналогичными образцами. Мабильоном же были заложены основные направления дипломатического исследования (на их основе в дальнейшем развились самостоятельные дисциплины: палеография, сфрагистика, историческая хронология и др.) и разработан первый исследовательский инструментарий. Все обобщающие труды и основные пособия по дипломатике вплоть до современности фактически предоставляют тот же набор атрибутивных средств, который присутствовал в основополагающем труде ученого бенедиктинца: типология актов и отдельных их элементов, описание их эволюции, факсимильные воспроизведения показательных образцов, хронологические таблицы, перечни лиц или институтов, стоящих за процессом делопроизводства.

В классических трудах первой половины XX в. можно встретить деление актов на юридические (действия, решения или соглашения, ведущие

к изменению правовой ситуации) и инструментальные (обосновывающие или подтверждающие эти действия письменные памятники) вместе с утверждением, что предметом дипломатики являются именно последние. Для более полного понимания сферы деятельности дипломатики лучше всего будет определить ее как актовое источниковедение, целями которого являются выявление, всестороннее изучение и публикация актового материала — для предоставления содержащейся в нем информации в распоряжение историков более широкого профиля. Таким образом, дипломатика занимается и актами юридическими тоже — в той мере, в какой они находят отражение в актах инструментальных. А также историей права, историей институтов, принципами делопроизводства, организацией архивов, историей письма и производства писчего материала, историческим почерковедением и просопографией — в той мере, в какой эти области знания способствуют критике и атрибуции конкретных памятников. Начиная с Мабильона, исследования по дипломатике затрагивают эти сферы человеческой культуры едва ли не в большей степени, чем такие традиционные для дипломатики темы, как типология, структура и внешний вид актового материала.

Исходя из особенностей актового материала, весьма близко к дипломатике стоят такие дисциплины, как историческая хронология, историческая география, историческая ономастика, сфрагистика, кодикология, геральдика, история языков, история образов и способов репрезентации власти. Обогащая их новыми данными, дипломатисты в то же время вынуждены постоянно обращаться к этим дисциплинам за разрешением отдельных специальных вопросов. Между тем, в круг интересов дипломатики всё чаще входят и такие источники, к которым название «акта», «грамоты» или «документа» традиционно не применялось и которые при этом не являются источником изучения документальной традиции (в отличие от формуляриев, регистров, сборников копий и книг имбревиатур). Речь идет об описях имущества, счетах, вкладных и хозяйственных книгах — они также имеют правовую природу, свой особый формуляр и обладают сходным значением для исторической науки как массовый источник, фиксирующий конкретные правовые казусы.

Значение дипломатики как вспомогательной дисциплины для исторического исследования, а также других вспомогательных исторических дисциплин — очевидно. В основе принятых датировок подавляющего большинства событий, выделяемых в ткани западноевропейской истории, лежат данные, полученные именно в результате анализа актового материала. Несмотря на обилие дошедших до нашего времени исторических сочинений, хроник и анналов, начиная с Классического Средневековья именно грамоты становятся основным источником по политической, эко-

номической и региональной истории Западной и Центральной Европы. Для истории России — особенно для раннего периода, до XV в. — летописи сохраняют свое первенствующее значение исключительно по причине малого числа сохранившихся актов.

Стоит, однако, упомянуть не столь очевидное значение дипломатики для исторической антропологии. Несмотря на колоссальный скачок в развитии техники, основные этапы создания письменных актов по сю пору остаются теми же: 1) соглашение сторон или принятие решения, 2) выработка предварительного текста, описывающего суть этого соглашения или решения в принятых формулах, 3) составление белого отпуска, несущего на себе определенный набор знаков аутентификации, позволяющих определить подлинность документа, 4) удостоверение письменного документа подписями и печатями. Эта последовательность соблюдается даже при отсутствии второго этапа и неосознанности первого или третьего. Простейшая расписка «я, такой-то, взял у такого-то 100 рублей», заявление на предоставление очередного отпуска и даже запись в книге выдачи ключей от учебных аудиторий — все они содержат необходимые элементы, чтобы считаться полноценным актовым материалом, и соответственно, являются потенциальным предметом изучения дипломатики. Даже в таких бытовых и кратковременных документах есть дата, знак аутентификации и стоящий за ним акт удостоверения документа (личная подпись), определенный традицией формуляр, установление новых правовых отношений (одна из сторон принимает на себя обязательства), определенный срок действия документа и срок его хранения. Наконец, документы такого рода могут быть приняты к рассмотрению в суде, чем подтверждается их аprobante значение.

Понятно, что в разные периоды, в зависимости от культурных традиций, каждый из названных этапов имеет свою специфику, которая так или иначе находит отражение в тексте и внешнем оформлении письменных актов. Ритуалы, сопровождающие переход права собственности, и роль в них письменного договора, необходимость и способы принесения устной клятвы, публичное оглашение письменного документа, понимание современниками диспозитивного и аprobante значения акта, а также его последующая реализация — всё это также является предметом изучения дипломатики. В зафиксированных текстом ритуалах и в самих словесных формулах в том или ином виде обязательно находят свое отражение политическая ситуация, особенности менталитета, идеология, религиозное чувство, нравственные нормы, эстетика. В связи с чем результаты дипломатического исследования находят свое применение в самых разнообразных сферах гуманитарной мысли, так или иначе связанных с изучением прошлого.

Выявление, атрибуция и публикация дипломатических памятников

Важнейшей целью собственно дипломатического исследования, как и в предшествующие периоды существования дисциплины, по-прежнему остается выработка критериев подлинности документальных свидетельств (письменных актов), а также определение общих и частных признаков, позволяющих атрибутировать тот или иной памятник — распознать его принадлежность к определенному типу, виду, региону, конкретному центру делопроизводства, лицу или временному периоду. Для каждого вида документальных памятников, для каждого отдельного центра делопроизводства критерии подлинности, равно как и набор необходимых для атрибуции частных и общих признаков, будут свои. Нередко решить вопрос о подлинности акта возможно только при сопоставлении с большим числом образцов, вышедших из того же центра делопроизводства в тот же исторический период. Этот принцип был сформулирован еще Мабильоном, и он же, с очевидностью, лежал в основе суждений средневековых юристов, когда им приходилось решать вопросы подлинности. Работа дипломатиста во многом сходна по своим принципам с работой палеографа или искусствоведческой экспертизой, когда колоссальное значение приобретает личный опыт, объем просмотренного в течение жизни материала, развитый навык всматривания и запоминание отдельных деталей.

В связи с этим одним из видов дипломатического исследования, результаты которого призваны служить, в свою очередь, инструментом атрибуции других памятников, является составление перечней известных науке документов (выпущенных в одной канцелярии, составленных от имени одного лица и т. д.), куда наравне с подлинниками — с соответствующей маркировкой — включают подделки, перерисовки, сомнительные экземпляры, а также ранние неустоверенные, а значит, и недатированные копии, которые можно спутать с оригиналами. Очевиднейшие подделки, как и сомнительные экземпляры (*spuria*), принято отмечать знаком креста (†). Документы, о которых известно, что они были выпущены, но в подлинном виде до нашего времени не дошли, даже во фрагментах или частичных рукописных копиях (*deperdita*), отмечаются звездочкой (*). Что, впрочем, всегда следует проверять по археографическому введению: в некоторых перечнях звездочка может означать *spuria* или тот экземпляр (при наличии нескольких сохранившихся оригиналов или копий), который был положен в основу аннотации.

Ту же экспертную функцию призваны выполнять и критические издания документальных памятников. Из наиболее крупных международных проектов, зарекомендовавших себя в качестве образцовых, следует упомянуть серию «Diplomata» в составе «Monumenta Germaniae Historica», разработанную в соответствии с общим планом издания источников по истории Германии в 1824 г. и посвященную в первую очередь актам германских королей и императоров V–XIII вв.² Помимо текста, подчас восстановленного на основании сличения нескольких списков, перечня всех сохранившихся копий с полной библиографией и подробнейшего описания степени сохранности, издания MGH приводят и всю существующую полемику относительно подлинности и обстоятельств создания каждого документа. Кроме того каждая публикация сопровождается фундаментальным экскурсом в историю делопроизводства и дипломатических особенностей сохранившихся документов. Указание на акты, изданные MGH, производится с помощью обозначающей серию сигнатуры (*D* или *DD*) и инициала короля или императора с его порядковым номером в виде латинской цифры, за которым следует номер документа. Подделки (*unechte Urkunden*) и *deperdita* (*verlorene Urkunden*) могут быть помещены в конце, отдельно от несомненных оригиналов, в таких случаях при ссылке на них специальные значки не требуются — порядковый номер говорит сам за себя.

Здесь стоит, однако, принять во внимание, что понятие подлинности может иметь археографическое значение (т. е. касаться конкретного архивного документа), а может быть использовано в юридическом смысле (т. е. распространяться и на сам текст памятника). Примером второго понимания подлинности могут служить краткие регесты древнейших папских грамот (до 1198 г.), составленные в 1851 г. Ф. Яффе, а затем расширенные и дополненные (с 11 000 до примерно 18 000 учтенных документов) следующим поколением немецких исследователей³. Акты до 590 г. были пересмотрены Ф. Кальтенбруннером, для 590–882 гг. — П. Эвальдом, для 882–1198 гг. — С. Лёвенфельдом. При ссылках на регесты Яффе, что для любого исследования, касающегося папских грамот этого периода, является обязательным, номера с 1 по 1065 даются с предшествующей им сигатурой *JK*, номера с 1066 по 3386 — с сигатурой *JE*, с номера 3387 — с сигатурой *JL*. В случае подделок или *deperdita* к номеру добавляется соответствующий значок — несмотря на то что с тех пор многие подобные атрибуции были пересмотрены.

² Оцифрованные публикации с возможностью словного поиска см. на сайте: <http://www.dmggh.de>

³ *Jaffé Ph. Regesta pontificum Romanorum ab ecclesia condita ad annum post Christum natum MCXCVIII. Editionem secundam correctam et auctam ... curaverunt S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner, P. Ewald. Lipsiae, 1885–1888. Т. I–II.*

Регесты (в отличие от полнотекстового издания) представляют собой публикацию документов в виде их аннотаций с изложением правового смысла акта вместе с содержащейся в нем исторической информацией. В отечественной археографии такие аннотации иногда принято называть «заголовками», что исходя из традиций западноевропейской дипломатики представляется не совсем верным: корректно составленная аннотация представляет собой гораздо более пространный текст. С конца XIX в. практически повсеместно в Европе утвердились принципы аннотирования латинских актов, определенные сотрудником MGH Т. фон Зикелем (Th. v. Sickel): 1) регесты должны содержать максимум исторической информации, которую можно извлечь из текста документа (т.е. в тексте аннотации должны быть приведены все упоминаемые в документе персоны с указанием должностей и все топонимы); 2) помимо содержания акта, в регестах в краткой форме должны присутствовать те формулы, которые позволяют документ идентифицировать или определить его вид; 3) национальный язык используется лишь для пояснения смысла документа, имена собственные, особенно если они специфичны для национального языка, как и формулы, должны быть приведены на латыни; 4) дата должна быть повторена в том виде, как она обозначена в документе. Регесты дополняются перечнем рукописных копий и публикаций, по которым можно ознакомиться с текстом или изображением документа.

Самым грандиозным примером такого рода издания являются «*Regesta Imperii*», инициированные в 1829 г. И. Ф. Бёмером (J. F. Böhmner) для соединения в хронологическом порядке всех имеющихся исторических свидетельств касательно деятельности немецких королей и императоров за период 751–1519 гг., т.е. начиная с Каролингов и до Максимилиана I⁴. Изначально регесты планировались как подготовка к критическому изданию императорских актов в рамках MGH. В последующем публикация регест вылилась в самостоятельное предприятие. В ряд разделов были включены папские грамоты, появилась дополнительная серия «*Regesta Imperii Plus*», посвященная светским и духовным князьям Империи. На сегодняшний день, выдержав не одно переиздание и многократные дополнения (более 90 томов приблизительно с 130 000 записей), этот проект всё еще далек от своего завершения. Указание на регесты Бёмера, обязательное в тех случаях, когда речь идет об актах, пока еще не изданных в MGH, дается с общим сокращением *RI* и последующей римской цифрой, обозначающей раздел серии (Band). Следующие через запятую арабские цифры

⁴ Электронное издание регест с возможностью пословного поиска см. на сайте: <http://www.regesta-imperii.de>

обозначают подразделы (Teil — Abteilung — Lieferung). Только после них идет номер записи — аннотации акта или сообщения об историческом событии, отмеченном в хрониках.

Регесты Яффе и Бёмера можно использовать как инструмент для идентификации текста отмеченных в них грамот, а также в качестве итинерария и пособия по хронологии — для датировки тех памятников, которые в этот перечень не попали (дальнейшие исследования показали, что, например, общее число известных древнейших папских грамот может быть увеличено еще на треть). Однако, в отличие от новейших выпусков «*Regesta Imperii*», регесты Яффе нельзя использовать как ориентир для определения археографической подлинности конкретных памятников, так как они не учитывают рукописную традицию и не дают атрибуцию каждого отдельного памятника. Следует также иметь в виду, что содержание актов в учетном перечне Яффе представлено в самой краткой форме.

Если же говорить о подлинности только в археографическом смысле, то результат полномасштабного дипломатического исследования может быть оформлен в виде простого перечня, составленного по типу инвентаря, где указан лишь современный архивный шифр, номер по опубликованным регестам (в случае если памятник еще не учтен — тип документа, адресат, дата), подлинность и степень сохранности. По такому принципу организованы многотомные списки выявленных документов в рамках проекта по составлению полноценных регест древнейших папских грамот в европейских хранилищах. Этот амбициозный проект был начат в конце XIX в. Королевским научным обществом в Гёттингене, а затем поддержан папой Пием XI, давшим современное название этому, теперь уже международному, научному предприятию — «*Pius-Stiftung*»⁵. В качестве новейшего примера такого экспертного перечня можно привести список больших папских привилегий второй половины XI в., составленный Й. Дальхаусом, чье исследование заставило пересмотреть устоявшийся взгляд на подлинность целого ряда памятников⁶. Результаты подобного исследования, проведенного высококвалифицированным специалистом, могут быть востребованы в качестве инструмента атрибуции даже в том случае, если они не были оформлены в перечень. В качестве примера можно привести фототипическое воспроизведение

⁵ См. издания в серии «*Reiseberichte*» по странам: <http://www.papsturkunden.gwdg.de/Pius-Stiftung/Publikationen/publikationen.html>

⁶ *Dahlhaus J.* Rota oder Unterschrift: Zur Unterfertigung päpstlicher Urkunden durch ihre Aussteller in der zweiten Hälfte des 11. Jahrhunderts (Anhang: Die Originalurkunden der Päpste von 1055 bis 1099) // *Papsturkunden des frühen und hohen Mittelalters* / Hrsg. von I. Fees, A. Hedwig, Fr. Roberg. Leipzig, 2011. S. 249–303.

рабочих карточек П. М. Баумгартена с кратким описанием более 10 000 подлинников папских грамот XIII–XIX вв. из крупнейших архивохранилищ Европы⁷.

Издания актов, а также простые или аннотированные перечни подлинных документальных памятников могут быть организованы по принципу единства выпускающей канцелярии, как во всех приведенных выше примерах. Но во главу угла может быть поставлен также адресат грамот — для того чтобы была возможность оценить степень уникальности каждого конкретного документа, а равно и содержащихся в нем исторических сведений, в документальном наследии того или иного учреждения. По такому принципу организованы итоговые регесты, составленные в рамках проекта «Pius-Stiftung», объединенные в серии «Italia Pontificia», «Germania Pontificia», «Gallia Pontificia» и т.д.; каждая серия разделена на отдельные тома — в соответствии с церковно-административным делением на провинции и епископства в соответствующий исторический период — до 1198 г.

Во главу угла может быть поставлен и архивный принцип: такого рода разыскания проще организовать в плане научной работы, публикации же позволяют оценить разброс документов в результате «исторической выборки», а также значение того или иного хранения для конкретных исследований. По этому принципу составляются тематические каталоги музеев, библиотек или архивохранилищ, в собрании которых есть старинные грамоты. Научные описания документальных фондов, по сути дела, исполняют ту же экспертную функцию, что и крупные мировые проекты, объединяющие усилия многих специалистов. Этот же архивный принцип положен в основу монументальной серии «Chartae latinae antiquiores» (далее ChLA), основанной в 1954 г. А. Брукнером и Р. Маришалем по аналогии и в дополнение к палеографической серии «Codices latini antiquiores», вышедшей с 1934 г. Издание включает все дошедшие до нашего времени документы, составленные на латинском языке до 800 г., — подлинники, ранние копии, черновики, формулярии и подделки. Каждый памятник представлен в виде аннотации, полнотекстового издания и фототипического воспроизведения — по возможности в масштабе один к одному. В настоящий момент серия ChLA, насчитывающая 49 томов (более 1400 записей), считается условно законченной, с 50-го тома начато выявление и публикация гораздо более многочисленных документов IX в. под общей редакцией Г. Кавалло и Дж. Николаи (ChLA2). Всего на данный момент вышло 109 томов, и если первая серия охватила практически все

⁷ Schedario Baumgarten: Descrizione diplomatica di bolle e brevi originali da Innocenzo III a Pio IX / Riproduzione anastatica con introduzione e indici a cura di G. Battelli. Città del Vaticano, 1965–1986. Vol. I–IV.

хранилища Европы и Америки, то IX в. представлен пока только отдельными собраниями Италии и Швейцарии⁸.

Обобщая современную практику выявления, атрибуции и публикации средневековых документов, отметим, что любой древний документ — вне зависимости от степени его сохранности и определения его подлинности — подлежит учету и публикации. Для разных регионов и разных типов документации верхняя временная граница может определяться по-разному, но обычно она пролегает в пределах XII–XIII вв. Цифровые технологии позволили вывести этот процесс из-под диктата крупных международных проектов и связанного с ними неспешного процесса книгоиздания. Даже небольшой коллектив исследователей может подготовить он-лайн публикацию большого корпуса дипломатических памятников, выкладывая результаты исследования в публичный доступ по мере готовности с возможностью последующей корректировки. Как пример приведем сетевой ресурс «Codice diplomatico della Lombardia medievale» — он-лайн проект полнотекстовой публикации древнейших (по 1200 г.) актов из архивов Ломбардии, организованный Университетом Павии в 2000 г. (на настоящий момент — более 5000 документов)⁹. Фактически в сеть вывешены рабочие транскрипции, без единого принципа отображения орфографии и палеографической информации (сокращения, знаки препинания, использования маюскула, диграфы и специфические буквенные формы), что в отсутствие факсимиле сокращает сферы возможного применения. Однако огромное число документов и возможность пословного поиска превращают эту публикацию не только в ценнейший источник по истории правовых отношений, но и в средство атрибуции отдельных формул, что может быть востребовано для восстановления поврежденного текста при работе с аналогичным материалом.

Появились и такие новые виды репрезентации дипломатического исследования, как пополняемые базы данных с возможностью внутреннего поиска по заданным параметрам. «Diplomata Belgica» — база дипломатических памятников по истории Южных Нидерландов — первоначально появилась на CD-дисках (латинские грамоты 640–1200 гг.), сейчас аннотации и краткие описания почти 35 000 документов до 1250 г. на латинском и национальных языках доступны он-лайн¹⁰. База подлинных документов до 1120 г., хранящихся на территории Франции, инициированная

⁸ См. перечень томов: <http://www.urs-graf-verlag.com/index.php?funktion=cluebersicht>; общедоступная база данных включает лишь несколько параметров: номер документа по ChLA, писчий материал, дату, место хранения, имя писца.

⁹ <http://www.lombardiabeniculturali.it/cdlm/progetto/>

¹⁰ http://www.diplomata-belgica.be/about_en.html.

Мастерской исследований средневековых текстов при университете Нанси (Atelier de recherches sur les textes médiévaux, далее ARTEM), предоставляет в распоряжение пользователя краткую библиографию и транскрипции 4932 актов¹¹. В Институте исследований и истории текстов Национального центра научных исследований Франции (IRHT, CNRS) начата работа над документами следующего по времени периода — с 1121 по 1220 г.¹² Также инициировано создание базы данных всех дипломатических памятников, относящихся к истории Франции по конец XIII в. с учетом уже существующих баз по источникам Нормандии и Бургундии — «Chartae Galliae»¹³.

Благодаря техническому прогрессу в настоящее время дипломатика является одной из наиболее активно развивающихся исторических дисциплин. По мере распространения новейшей копировальной техники постоянно увеличивается число цифровых копий документальных памятников, размещенных в открытом доступе, что существенно упрощает процесс атрибуции и открывает широкие возможности для разного рода статистических исследований внешних характеристик грамот. Постоянно пополняющийся банк цифровых копий из различных европейских архивов в рамках проекта «Monasterium» (далее MOM), представляет собой саморазвивающуюся публикацию, куда любой исследователь может внести свою лепту, выполнив транскрипцию или составив аннотацию по имеющемуся изображению¹⁴. Общедоступными стали собрание фотокопий императорских грамот при MGH — «Kaiserurkunden in Abbildungen» (далее KUA)¹⁵ — и коллекция воспроизведений древнейших документов (до 1250 г.) из немецких архивов, с 1950-х гг. собиравшаяся Марбургским архивом фотодокументов (Lichtbildarchiv, далее LBA)¹⁶. Коллекция из 550 изображений наиболее показательных с точки зрения внешнего оформления документов VII–XIX вв. представлена в разделе базы данных Национального архива Франции ARCHIM под названием «Florilège»¹⁷.

Новые возможности в области сопоставления большого числа образцов и выработка новых критериев формализованного описания

¹¹ «Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France»: <http://www.cn-telma.fr/originaux/index/>.

¹² «Chartes originales (1120–1220) conservées en France»: <http://rmbf.be/2014/02/15/base-de-donnees-chartes-originales-1120-1220-conservees-en-france/>.

¹³ <http://www.cn-telma.fr/chartae-galliae/index/>

¹⁴ <http://monasterium.net/mom/fonds>.

¹⁵ <http://geschichte.digitale-sammlungen.de/kaiserurkunden/online/angebot>

¹⁶ <http://lba.hist.uni-marburg.de/lba/>

¹⁷ http://www.culture.gouv.fr/documentation/archim/exposition_florilege.htm

привела к появлению целого ряда специальных исследований, полностью посвященных эволюции и видовым особенностям отдельных элементов оформления в рамках тех или иных делопроизводственных традиций: свидетельских подписей (В.-М. Tock), букв и инициалов (G. Bromm), специальных знаков аутентификации (P. Rück, J. Dahlhaus, O. Krafft), формата и размеров пергаменного листа (Th. Frenz, F. M. Bischoff) и т.д. Как и традиционные для дипломатики исследования, посвященные отдельным частям формуляра, такого рода узкоспециальные работы, предоставляя в распоряжение других исследователей инструмент атрибуции, позволили пролить свет на некоторые особенности средневекового делопроизводства, правовых отношений и способов репрезентации власти.

Одним из актуальных направлений работы с коллекциями цифровых изображений является поиск и разработка методик в области замеров различных параметров рукописных памятников и их обмера, которые позволили бы создать универсальные инструменты выявления и фиксации тех элементов, на основе которых строится экспертный анализ. Использование программ автоматического распознавания почерка по оптическим характеристикам чернильного следа выявило применительно к средневековым грамотам серьезную зависимость результатов от степени сохранности памятников и от качества изображений¹⁸. Разработанные для формализованного описания рукописей комплексы программного обеспечения¹⁹ в случае применения к актовому материалу также требуют особых условий сканирования, что невозможно без предварительной реставрационной или консервационной подготовки памятников (очистка и распрямление пергамента). Таким образом, массовые исследования внешнего оформления средневековых актов с помощью компьютерных методов всё еще остаются для дипломатики делом будущего.

¹⁸ Программные комплексы «Quill» и «Groningen Intelligent Writer Identification System» (GIWIS); см. наглядную презентацию методов распознавания индивидуального почерка на материалах LBA: <http://www5.informatik.uni-erlangen.de/Forschung/Publikationen/2014/Christlein14-EWV-talk.pdf>

¹⁹ Например, «Graphoskop» — плагин к комплексу ImageJ для формализации кодикологического описания: <http://www.palaeographia.org/graphoskop/index.htm>; комплекс программного обеспечения «Vestigium» для сбора и анализа внетекстовой информации рукописных памятников: <http://www.spbiiran.nw.ru/vestigium/>; программа «LinneyCollector» для отбора и каталогизации отдельных начертаний или элементов внешнего оформления: <http://expositions.nlr.ru/rusautograph/program/>

Виды актового материала

Существует множество различных классификаций актового материала, однако ни одна из них не в состоянии учесть всё многообразие средневекового делопроизводства. Кроме того, нередко для обозначения категорий одного порядка используются понятия, бытовавшие в разные исторические периоды, критерии же отнесения конкретного документа к той или иной категории зачастую имеют различную природу. Объединение памятников документальной письменности в те или иные группы обычно продиктовано особенностями самого материала и теми задачами, которые ставит перед собой исследователь. Остановимся на таких понятиях, как *публичные* и *частные акты*.

До IX в. акты, изданные от имени верховных суверенов, были достаточно четко противопоставлены распискам и договорам, которые затрагивали интересы частных лиц. Публичные акты именовались современниками *verbum regis*, *preceptum*, *auctoritas*, *edictum*, а частные — *carta*, *testamentum*, *scriptum*, *scriptura*. Так, в формулярии Маркульфа конца VII — начала VIII в. противопоставляются *preceptio regalis* и *carta pagensis*. В связи с тем, что зарождение самой дисциплины было связано именно с критикой древнейших актов, да и в дальнейшем, вплоть до начала XX в., дипломатистов занимали в первую очередь документы, изданные от лица высших светских и церковных властей (императоров, королей и пап), это унаследованное от Римской империи раннесредневековое деление актов на частные и публичные вошло во все классические труды по дипломатике.

Однако более поздний материал, начиная с X–XI вв., не позволяет провести эту границу с той же четкостью. Уже в конце XI в. во Франции королевские дипломы обозначаются как *carta*, *scriptum* и даже *litterae*. Любые документы, составленные от имени римских понтификов, начиная с XI в. — каких бы вопросов они ни касались — определялись в самой папской курии как *litterae apostolicae*. Последний термин свидетельствует о том, что обычное для Античности разделение актов и писем применительно к канцелярскому делопроизводству Классического Средневековья не было столь очевидным. Простые, не требовавшие торжественного оформления привилегии, а также приказы и назначения, составлявшие подавляющий объем папской, епископских и королевских канцелярий начиная с конца XII — начала XIII в. по своему формуляру восходят именно к письмам и соответственно имеют адресата, даже если этот адресат не *индивидуальный*, не *коллективный*, а *универсальный*: всем, кто прочтет эту грамоту («*Universis et singulis presentes litteras nostras inspecturis*» — рис. 18).

Одним из главных критериев, предложенных в конце XIX в. О. Поссе (O. Posse) для определения публичных актов, является отсутствие свидетелей в грамотах верховных суверенов, чей авторитет сам по себе служил гарантом правовой силы документа. Однако в X–XII вв. свидетельские подписи проникают в императорские дипломы и папские привилегии. Имена князей и церковных прелатов, присутствовавших при оглашении документа, имеют не столько удостоверительную силу, сколько служат знаком выражения согласия с судебным решением, вынесенным верховным светским или духовным судьей. В условиях феодальной раздробленности это закрепленное в письменном виде согласие местных государей и глав местных церквей с пожалованием суверена служило для получателя привилегии дополнительным гарантом сохранности новоприобретенных прав. В папских привилегиях начиная с 1130-х гг. подписи членов кардинальской коллегии становятся обязательными. Решение, принятое коллегиально, обладало в глазах современников большим авторитетом.

С другой стороны, распыление властных полномочий превратило крупных светских сеньоров и глав местных церквей в своих областях в настоящих суверенов, что не могло не отразиться на оформлении издаваемых ими актов, бывших одним из показателей их возросшего авторитета. Торжественное оформление, воспроизводящее в том или ином виде манеру императорской канцелярии, а начиная с середины XI в. — папской, является показателем того, какого рода акты самими современниками воспринимались как относящиеся к сфере публичного права. Так, предоставление епископом прав на алтарь какому-нибудь монастырю, подтвержденное кафедральным капитулом и накладывающее на аббата ряд обязательств по присутствию на синодах, судя по внешнему оформлению, понималось современниками как публичный акт. Предоставление монахиням мелкой женской обители права вывоза валежника из королевского леса оформляется со всей пышностью королевских привилегий, с большой королевской печатью зеленого воска на шелковом шнуре, притом что даритель выступает в данном случае в роли владетельного сеньора, а отнюдь не в качестве верховного суверена (рис. 16). Современными исследователями такого рода грамоты квалифицируются как частные акты, лишь воспроизводящие оформление актов публичных.

Одновременно с этим, по мере роста городов и развития торговли в тех регионах Европы, где не существовало традиции римского нотариата, представители церковных и светских властей всё чаще берутся за удостоверение частноправовых соглашений (во французской правовой традиции это явление обозначается как *jurisdiction gracieuse*). По своей природе такие акты, без всякого сомнения, относятся к сфере частного права, однако с точки зрения формуляра составлялись они в тех же

традициях, в каких оформлялись акты, касающиеся публичной сферы. Сторона, принимающая на себя обязательства (в случае договора купли продажи — продавец, в случае аренды — арендатор), выступает в документах такого рода в качестве ответчика на суде, признаваясь в заключении правового договора и принятых на себя обязательствах. Желая получить письменное удостоверение совершённому акту, в отношении соблюдения условий договора на будущее стороны как бы передают себя во власть выбранного ими третейского судьи. Удостоверение заключенного сторонами обоюдного соглашения преподносится в виде судебного решения, вынесенного властным лицом, и потому обязательного для всех, на кого распространяются его судебные полномочия. Кроме того, следует иметь в виду уже отмеченное различие акта юридического и акта инструментального: в одном документе может содержаться описание нескольких юридических актов, часть из которых будет относиться к сфере частного права (соглашение сторон), а часть — к сфере права публичного, как его понимали современники (удостоверение новых правовых отношений носителем публичной власти).

В связи с определенной сложностью задачи охватить одним термином и юридическую природу акта, и его формуляр, и его внешнее оформление со специфическими знаками аутентификации применительно к средневековым документам в настоящее время стараются избегать выражения «публичный акт». Говорят о канцелярском делопроизводстве — отдельно об императорских актах, королевских актах, папских актах, епископских актах, актах князей и крупных светских сеньоров. При этом имеется в виду формуляр, способ подготовки и издания документа, особенности внешнего оформления, принципы работы той или иной канцелярии. Обозначение типов документации в рамках одной канцелярии, связанных с различным способом оформления и издания акта, обычно определено научной традицией (например, *письма*, *мандаты* и *дипломы* в императорской канцелярии), и потому любая терминология такого рода довольно условна. Для обозначения вида документа стараются использовать самоназвание, как правило, обозначенное в самом формуляре с помощью существительного (обычно в формуле corroborации) или в виде глагола в диспозитивной части, обозначающего юридическую природу совершаемого акта (*privilegium*, *confirmatio*, *concessio* и т. д.).

Понятие «частный акт» употребляется в отношении юридической природы акта, а не способа производства документа. По определению, предложенному Р.-А. Ботье (R.-H. Bautier) и Международной комиссией по дипломатике, к частным актам относятся те, которые либо исходят от частных лиц, либо отражают интересы частных лиц, будучи составленными в их пользу представителями публичной власти. В этом случае

документ принято обозначать по причине его составления (*causa*). Епископский акт, удостоверяющий акт купли-продажи, будет с этой точки зрения определен именно как договор купли-продажи, удостоверенный в епископской канцелярии, а не как акт удостоверения частно-правового договора. Здесь, однако, следует иметь в виду, что самоназвание акта, указанное в документе, может отличаться от определения, данного исследователем. Передача земельного участка в эмфитевсис при анализе условий соглашения может оказаться просто передачей держания в краткосрочную аренду; благочестивое дарение (*elemosina*) или инвеститура (*investitura per mercatum*) может обозначать акт купли-продажи. Поэтому в аннотациях публикуемых документов, обозначая природу акта, в последнее время указывают еще и его наименование согласно тексту документа — ради постепенного накопления данных по истории правовой терминологии.

Материал и формат средневековых актов

В Поздней Античности писчим материалом для записей, предназначенных к длительному хранению, был папирус. Латинское название папируса — *charta* — уже в Раннем Средневековье стало употребляться для обозначения любого письменного документа, вне зависимости от того, на каком материале он был составлен (ср. наше «бумага»). Как и книги, имевшие в ту пору форму свитка, античные письма и акты писались на одной стороне листа, оборотная же сторона служила им обложкой. После массового перехода на пергамен практика делопроизводства сохранила эту традицию. Во многом это связано с тем, что на протяжении веков папирус и пергамен сосуществовали. Древнейшие из дошедших до нашего времени пергаменных актов относятся к VII в.; подавляющее большинство латинских писем и грамот, составленных до 700 г., — папирусные. Но и в VIII–X вв. папирус активно использовался в переписке и для оформления частноправовых договоров, особенно на юге Италии, но и не только. Так, сохранился фрагмент частного акта на папирусе, составленного в гессенском аббатстве Херсфельд в 949–988 гг.²⁰

Дипломы меровингских королей и грамоты епископов Рима традиционно издавались на папирусе. Древнейший из известных подлинный императорский диплом, составленный на пергамене, — привилегия

²⁰ Marburg, Haupt-Staatsarchiv. Urk. 56, 2I–III (MOM).

Теодориха III 679 г. диакону Хайнону²¹, последний сохранившийся диплом на папирусе — привилегия Хлотаря III в пользу Сен-Дени 660–673 гг.²² Древнейшая папская грамота на пергамене — изданная в Равенне привилегия Иоанна XIII в пользу болонских каноников 967 г.²³, однако регулярным использование пергамена в папской курии становится только с начала XI в.; последний известный папский документ на папирусе — это фрагмент привилегии Льва IX 1051 г. в пользу епископа Ле Пюи²⁴; папирусная привилегия Виктора II 1057 г. кардиналу Гумберту Сильва Кандида сохранилась лишь в транссумпте Григория IX 1236 г. Последние известные византийские документы, составленные на папирусе, также относятся к XI в. и происходят в основном из Южной Италии.

Восковые таблички (*cerae*), как и в античном мире, использовались в письменной практике Средневековья для черновых записей и обучения письму, однако средневековых контрактов или писем, составленных на церах, если они и были, до нашего времени не дошло. Единственным видом документальных памятников, удостоившихся хранения в архивах, могут считаться черновые варианты счетов XIII–XVII вв. Самыми древними из них являются счета за 1256–1257 гг., составленные камергером Людовика IX Жаном Сарразеном на 14 деревянных табличках 47,5×20,5 см со скругленным краем, покрытых черным воском. По описаниям начала XIX в., дощечки были скреплены пергаменной ленточкой в кодекс 10 см толщиной, сейчас они разделены²⁵. Сохранилось еще восемь томов королевских счетов Филиппа III и Филиппа IV. Известно около тридцати томов восковых таблиц XIV в. с городскими регистрами цензов Туруни и Гданьска.

Окончательно вытеснившая папирус и постепенно заменившая собой церы бумага проникла на христианский Запад через посредство арабов. Ее появление на Пиренейском полуострове принято относить к IX в. В течение XI в. бумага распространяется в Сицилии, около 1200-х гг. ее начинают производить в Марке, в XIII в. бумажное производство постепенно возникает во Франции и Германии. Первые *филиграни*, или «водяные знаки», служившие знаком производителя, относятся к концу 1280-х гг. Древнейшие из сохранившихся актов, составленные на бумаге, относятся к XII в. Самым ранним из известных является постановление Аделаи-

²¹ Paris, Archives Nationales. K 2, n. 12 (D Mer, 121; ARTEM, 4463 — под 677 г.)

²² Paris, Archives Nationales. K 1, n. 7/3 (D Mer, 94; ARTEM, 4506), K 2 n. 7 (D Mer, 95; ARTEM, 4461).

²³ Bologna, Archivio capitolare, Caps.14, № 1 (JL 3714; RI II, 5 n. 414).

²⁴ Le Puy-en-Velay, Bibliothèque Municipale, Ms. 117, n. 1 (Musée Crozatier) (JL 4265 — под 25 декабря; RI III, 5, 2 n. 897 — под 20 мая).

²⁵ Paris, Archives Nationales. AE II, n. 258 (ancien J 1166; Florilège, 188).

ды Савонской, вдовы графа Рожера I Сицилийского, 1109 г. на греческом и арабском языке в пользу аббатства San Filippo di Fragalá²⁶. Сохранилось также закрытое послание Фридриха II архиепископу Зальцбурга 1228 г., составленное на бумаге 20×7,5 см и прошитое пергаменной ленточкой²⁷; еще несколько известно по трансумптам. Фридриху же, Сицилийской канцелярии которого приходилось заново удостоверить пришедшие в ветхость бумажные привилегии его предшественников, принадлежит и первый известный запрет на использование бумаги для документов, относящихся к сфере публичного права.

Только после того, как употребление бумаги стало массовым, в корреспонденции и делопроизводственной практике стали использовать обе стороны листа. Тогда же, в XIV–XV вв., появляются многостраничные как бумажные, так и пергаменные акты, переплетенные в форме тетради или книжного кодекса. Более ранняя традиция увеличения площади писчего материала восходит к античным папирусным свиткам — путем подклейки. Привилегия Бенедикта III в пользу аббатства Корби 855 г. написана в 183 строки на вертикально свернутом папирусе 70×690 см²⁸, в то время как максимальные размеры листов (*plagulae*), достижимые при производстве папируса, не могли превышать 45×75 см и обычно были гораздо меньше. Пергаменные листы склеивались, сшивались нитками или кожаными шнурками по нескольку штук, чтобы получился более широкий или более длинный лист, который затем либо складывался, либо скручивался в форме свитка — иногда более десятка метров длиной. Оригинал инквизиционного допроса по делу тамплиеров 19 октября — 24 ноября 1307 г. составлен из 45 пергаменных листов и насчитывает более 22 метров длины²⁹.

В эпоху Раннего и Классического Средневековья акты, как правило, писались на одном листе с одной стороны. Случаи, когда окончание документа помещено на обороте (*опистографы*), крайне редки и обычно трактуются как ошибка писца, неверно рассчитавшего объем белого текста. В качестве лицевой стороны, на которой записывался текст, выбиралась та, которая была наиболее удобна для письма. В случае с папирусом запись делалась вдоль растительных волокон, в случае с пергаменом — на более гладкой и выбеленной мясной стороне. Размер листа определялся, во-первых, объемом текста, во-вторых, видом документа и традициями его оформления (торжественные публичные акты,

²⁶ Archivio di Stato di Palermo. Ospedale grande di Palermo.

²⁷ Wien, Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Salzburg, Erztstift. AUR 1228 IV 18 (RI V, 1, 1, n. 1723; KUA 6, n. 18a; MOM).

²⁸ Amiens, Bibliothèque Municipale. Ms. 526, n. 1 (JE 2663; ARTEM, 4803).

²⁹ Paris, Archives Nationales. J 413, n. 18.

выпущенные в крупных канцеляриях, требовали больше свободного места для полей, межстрочного расстояния и знаков аутентификации). Наконец, размер акта был ограничен физическими возможностями материала: максимальный размер правильного прямоугольника, который можно было выкроить из овечьей или телячьей шкуры, не превышает квадратного метра. Но и такие экземпляры крайне редки, обычно большеформатные грамоты — это прямоугольники примерно 70×80 см.

Пергамен, шедший на документы, как правило, брался более грубой выделки, нежели писчий материал для будущих рукописных книг. Нередко для частных актов и копий использовались обрезки пергамена неправильной формы (рис. 5, 23), с дырочками или неровными краями (рис. 14). Но по большей части старались использовать листы прямоугольной формы. По формату акты принято разделять на те, у которых строки текста идут параллельно узкой стороне листа (*carta transversa*), и те, где строки идут параллельно широкой стороне (*carta non transversa*). Уже из этих названий видно, что первый вариант был менее употребительным, что, вероятно, восходит к тем временам, когда документы составлялись на папирусе. Протокол открытия завещания префекта претория Равенны 552–575 гг., сохранившийся в виде девяти больших фрагментов, представлял собой горизонтальный свиток (*volumen*) 180×28 см, в котором текст документа был разбит на колонки, подобно тексту античной книги³⁰. Другая равеннская грамота 572 г., содержащая акт купли-продажи, представляет собой пример «перевернутого папируса» — свернутый по вертикали свиток (*rotulus*) 30×255 см³¹. В период XI–XII вв., когда можно говорить о массовом выпуске грамот на пергамене, оба формата употреблялись достаточно регулярно, в зависимости от канцелярских или локальных нотариальных традиций. Начиная с XIII в. среди пергаменных актов, по крайней мере в канцелярском делопроизводстве, стали преобладать *cartae non transversae*. Документы квадратного формата, по-видимому, следует трактовать как вариацию одной из этих двух основных прямоугольных форм, связанную с неверным расчетом объема белого текста.

У многостраничных документов стороны листа обозначаются, как и у рукописных книг, — *recto* и *verso*. У документов, выполненных на одном листе или на нескольких листах, соединенных друг за другом в форме свитка, стороны обозначаются как *recto* и *dorso*. Надписи на оборотной стороне документа называются *дорсальными*. К ним относятся пометы и рисунки нотариусов, а также старые архивные пометы с кратким обо-

³⁰ Paris, Bibliothèque Nationale. Ms. lat. 8842; Padua, Istituto di Paleografia. Sine numero (ARTEM, 1763; ChLA 653, 878).

³¹ British Library. Add. Ms. 5412 (ChLA 181).

значением сути акта, датами, местами хранения, архивными шифрами, разделами регистров или копийных книг, которые вплоть до XVIII в. нередко служили в качестве архивных описей. Поскольку документы, как правило, хранились в сложенном состоянии, такого рода записи располагались на внешних сторонах пакета, более подверженных внешнему воздействию. Из-за краткости и плохой сохранности такие пометы плохо поддаются прочтению; нередко для их расшифровки требуется изучить письменную традицию документа и историю учреждения, где он находился на хранении. Из-за нередких ошибок сведениям, полученным из дорсальных надписей, не стоит доверять безоглядно, однако они могут служить дополнительным источником информации о причинах издania документа. Сами по себе такие архивные пометы служат источником по истории средневековых архивов, исторической географии и ономастике.

Кроме того, на обороте грамот могут располагаться адрес и канцелярские пометы, указывающие на этапы делопроизводства после составления белого отпуски и служащие источником по штату и персоналу крупных канцелярий (рис. 7, 11, 12, 20). Владельческие штампы, пометы аукционистов и коллекционеров также нередко располагаются на оборотной стороне грамот (рис. 13, 20). Впрочем, следует отметить, что любые пометы, как современные документу, так и более поздние, могут находиться и на лицевой стороне документа — на боковых, верхнем и нижнем полях или же между строк (рис. 8, 9, 11, 15, 16, 21, 23, 24). В отличие от знаков аутентификации или внесенных в текст писцом исправлений и дополнений, они не входят в структуру документа и при полнотекстовом издании актов рассматриваются в качестве дополнительной информации: помещаются в примечания и нередко опускаются вовсе.

В крупных канцеляриях линовка пергамена осуществлялась тем же способом, что и при переписке рукописных книг, — металлическим, косяным или деревянным стилем для письма на восковых табличках или специально предназначенным для этих целей тупым ножом. Средневековые изображения писцов зафиксировали процесс письма на пергамене: в левой руке пишущего всегда находится нож для линовки или для заточки перьев, кончиком которого выгибающийся лист прижимался к твердой основе рядом с местом постановки пера. По линии боковых отрезков будущей грамоты наносилась разметка — иголкой или зубчатым колесиком, потом по линейке проводились поперечные линии. Получаемый таким образом рельефный след хорошо заметен на не прошедших реставрацию документах (рис. 5, 16). Линовка могла осуществляться чернилами (рис. 21), а также свинцовым или оловянным карандашом (в этих случаях рельеф отсутствует или сочетается с видимым серым

следом (рис. 2)). На бумажных документах поля могли обозначаться путем предварительного загибания краев листа (рис. 27). Среди частных актов Раннего Средневековья нередко встречаются и нелинованные документы с нерегулярным расстоянием между строк.

Письмо и художественное оформление средневековых актов

О различии книжного письма и письма документов имеет смысл говорить только применительно к развитому канцелярскому делопроизводству и нотариату. Для Раннего Средневековья следует отметить наследовавшие новому римскому курсиву письмо меровингских королевских дипломов и куриальное письмо, применявшееся в императорской и папской канцеляриях до закрепления в них минускульного письма на основе книжного каролингского минускула. Письмо частных актов, составленных в монастырях или епископальных центрах, где писцы были более привычны к переписке книг, отличается от книжного письма либо большей небрежностью (нерегулярный ритм, невыдержанные строки, разные пропорции у одних и тех же буквенных форм), либо наоборот — несколько большей торжественностью (большее расстояние между строк, более сложное начертание маюскульных форм и выносных элементов). Редким примером книжного каллиграфического письма, перенесенного в документы практически без изменений, являются написанные унциалом грамоты короля Кента Хлотхера 679 г. и короля Мерсии Этельбальда 736 г.³² Повсеместно в особую категорию письмо документов выделяется лишь с появлением курсивных форм в XIII в. Само возникновение курсивного письма является следствием развития и распространения практики делопроизводства.

Говоря о письме, следует различать тип письма и письменную манеру (иногда ее называют почерком). Первое является объектом изучения палеографии, а также составляет предмет интереса каллиграфов и разработчиков компьютерных и печатных шрифтов. Второе входит в сферу интересов исторического почерковедения. В одном и том же документе одним и тем же писцом может быть использовано несколько типов письма.

³² British Library. Cotton MS Augustus II 2, 3 (ChLA, 182, 183: contemporaneous, very probably original).

Так, написание первой строки (рис. 1, 7) или ее части (рис. 9) и канцелярской заверки (рис. 1, 3) так называемыми удлинненными буквами (*litterae elongatae*), сочетающими маюскульные и минускульные формы, — традиция канцелярского делопроизводства Раннего и Классического Средневековья, идущая от публичных актов Поздней Римской империи, насколько о ней можно судить по сохранившимся папирусным фрагментам. В имени суверена, а также для буквиц, открывающих отдельные части протокола, могут быть использованы буквенные формы унциального и капитального рустичного или квадратного письма (рис. 12, 15, 16, 18, 24, 25). В дипломе императора Гвидо 891 г., написанном куриальным письмом, дата написана той же рукой, но письмом минускульным (рис. 1). Использование разных типов письма одним и тем же писцом является одной из характеристик его манеры.

Манера письма бывает как индивидуальной, так канцелярской. Установление их критериев в каждом отдельном случае требует специального исследования. И та, и другая манера могут меняться с течением времени, в том числе и в результате взаимного влияния. В качестве примера достаточно высокой динамики показательны документы Апостольской канцелярии 1150–1170 гг., где одни и те же писцы демонстрируют, с одной стороны, общее изменение канцелярской манеры, связанное с одновременным изменением начертания малых вертикалей и завершающих элементов конечных букв *-i*, *-m*, *-n*, *-s*; а с другой стороны — показывают выработку и развитие индивидуальных способов начертаний в отношении букв *x*, *g*, сочетания *ss*, а также элементов оформления малых буквиц и инициалов.

Как письмо документов, так и канцелярская и индивидуальная манеры всё чаще становятся предметом самостоятельного дипломатического исследования. Помимо общего палеографического интереса и выяснения взаимовлияний книжного и канцелярского письма, изучение письма грамот способствует уточнению датировки и локализации других, близких по времени письменных памятников. Изучение канцелярской и индивидуальной манеры является одним из элементов дипломатической критики в случае различения оригиналов и близких к ним по времени псевдооригиналов. Выработка надежных критериев для определения руки того или иного писца позволяет уточнить некоторые вопросы, касающиеся работы канцелярий, их штата и этапов делопроизводства.

Само по себе исследование канцелярского письма — вместе с особенностями внешнего оформления — позволяет осветить направления влияний, подражаний и заимствований, в том числе и политического свойства, а также институциональных изменений. Так, появление в Апостольской канцелярии минускульного письма, как и введение монограммы

в эсхатокол папских привилегий по аналогии с императорскими дипломами, в середине XI в. является показателем усиления немецкого влияния на римских понтификов. Сосуществование минускула и римского куриального письма привело П. Ф. Кера (Paul Fridolin Kehr) к мысли о двух центрах папского делопроизводства: одного — связанного со старым римским нотариатом (*scrinium*), другого — состоявшего из личных папских нотариев и писцов, ставших ядром будущей апостольской канцелярии (*palatium*). Окончательный отказ от куриального письма в 1120-е гг. означал эмансипацию папской курии от прежних традиций римского делопроизводства. Другой пример: именно адаптация гуманистического курсива, бывшего изначально изобретением небольшого кружка итальянских интеллектуалов, для письма папских бреве в XVI в. способствовала повсеместному распространению этого типа графики (вплоть до современных текстовых процессоров типа программы Word, в которой для выделения текста используется *italic type*).

В современной дипломатике письмо грамот, как правило, изучается в общем контексте внешнего оформления. «Документ как произведение искусства» (*Urkunde als Kunstwerk*) — принцип, провозглашенный П. Рюком (Peter Rück) в начале 1990-х гг., обозначил новое направление в изучении средневековых документальных памятников. Начиная с 1980-х гг. в свет вышло несколько монографических исследований, посвященных как общему виду документа (фр. *la mise en page*, и уже ставшее международным — англ. *layout*) и его эволюции, так и отдельным его элементам в разных канцелярских традициях (буквицам, инициалам, монограммам, удлинненным литерам и т. д.).

Еще одним из новейших направлений в исследовании внешнего облика средневековых актов стало сотрудничество искусствоведов с дипломатистами. По мере накопления материала в распоряжении историков документа оказываются данные о художественных мастерских и о конкретных миниатюристах, к которым попадали переписанные набело грамоты для их окончательного художественного оформления. Как и данные по индивидуальной и канцелярской манере, эти сведения могут быть использованы при дальнейшей атрибуции. Главным образом это касается документов XIV–XVIII вв. на предоставление гербов или торжественных актов, украшенных сложными историзованными или орнаментальными инициалами (рис. 18, 19).

До конца XIII в. использование красочных изображений встречается крайне редко. В качестве примера можно привести статуты религиозных обществ — грамоту аббата пиренейского монастыря Canigou братству Св. Мартина 1195 г. и грамоту Конрада фон Хохштадена, архиепископа Кельна, братству св. Куниберта 1246/47 г., открывающиеся полноли-

стовыми миниатюрами³³. К числу уникальных памятников оттоновской книжной культуры принадлежат каллиграфические исполнения императорских дипломов в виде украшенных сложным орнаментом писанных на пурпуре золотом пергаменных свитков. Это привилегия Оттона I папе Иоанну XII 962 г. и грамота Оттона II по случаю его бракосочетания с племянницей Византийского императора Иоанна I Цимисхия — Феофано (*Dotalurkunde*) 972 г. Подобное оформление принято связывать с подражанием византийским императорским грамотам. В связи с отсутствием анонсированных в тексте дипломов печатей, канцелярских заверок и свидетельских подписей существует полемика, допустимо ли атрибутировать их как оригиналы³⁴.

Использование цветных чернил для письма документов было на Западе редким, и такие случаи всегда обращают внимание. Так, в дипломе Людовика VI Толстого парижским каноникам 1127 г. инвокация, буквы, монограмма, имена дарителей и получателей написаны красными чернилами³⁵. В написанном беневентанским письмом брачном контракте из Бари 1028 г. использование красной и зеленой красок для букв, инвокации, нотариального знака и деталей изображения брачной пары привело к тому, что агрессивные химические соединения прожгли пергамен³⁶.

Формуляр средневековых актов

Формуляр может быть как сложным, так и предельно простым (например, состоять только из диспозитива и даты). По традиции, идущей от Т. фон Зикеля, в формуляре актов принято различать три составные части: текст, или корпус документа, и сопровождающие его формулы протокола, аутентифицирующее значение которых вполне осознавалось современниками (этому, например, посвящена 2-я глава 44-й новеллы Юстиниана). Сопровождающие текст документа формулы делятся на два блока — на собственно *протокол*, или протокол начальный (формулы, предшествующие тексту акта), и *эсхаток*, или протокол финальный

³³ Paris, École national supérieure Beaux-arts de Paris. Mn. Mas. 38; Historisches Archiv der Stadt Köln. Domstift-Urkunden, 184.

³⁴ Rom, Archivio Segreto Vaticano. Arm. 1, Caps. III, n. 1 (D O I, 235); Wolfenbüttel, Niedersächsisches Staatsarchiv. 6 Urk. 11 (D O II, 21).

³⁵ Paris, Archives Nationales. AE II, n. 141 (ancien K 22, n. 5; Florilège, 146).

³⁶ Bari, Archivio del Capitolo Metropolitano. Perg. 14.

(завершающие формулы, следующие за текстом). С переходом делопроизводства на национальные языки протокол с эсхатоколом иногда сохраняются на латыни (рис. 18, 20). Состав каждой из частей может различаться в зависимости от типа документа и делопроизводственных традиций. Поэтому перечислим лишь наиболее употребительные формулы.

В состав протокола могут входить инвокация, интитуляция, инскрипция, приветствие, а также дата. В состав текста, или корпуса документа, входят преамбула (ее также иногда относят к протоколу), нотификация (объявление), наррация, диспозиция (распоряжение) и различные клаузулы. К эсхатоколу, как правило, относятся формулы и специальные знаки валидации (аутентификации), сообщающие документу правовую силу, дата (если она не сообщена в начале документа), финальное приветствие или благопожелание.

Инвокация (*invocatio*) представляет собой апелляцию к божественному авторитету, освящающему порождаемое актом изменение правовых отношений. Этот призыв может быть как *символическим* — в виде знака креста, хризмы (в которой далеко не всегда можно узнать составляющие ее греческие буквы *X* и *P* (рис. 1)) или заменяющей ее буквы *C*, — так и *вербальным*. Наиболее употребительны формулы «*In nomine Domini*», «*In nomine sanctae et individuae Trinitatis*», однако встречаются и другие: «*Sub Christi nomine et eius imperio*», «*Principium scripti maneat sub nomine Christi*». В одном документе может быть несколько инвокаций: хризма и последующая за ней вербальная инвокация в императорских дипломах (рис. 1) или две вербальных инвокации («*In nomine Domini. Amen. Ad honorem dei omnipotentis, patris et filii, et spiritus sancti*» — рис. 15). В документах папской курии инвокация появляется в виде креста лишь в отдельных документах середины XI в. Отсутствует инвокация и в императорских посланиях и мандатах XII–XIII вв. (рис. 2, 3), будучи при этом отличительным признаком императорских привилегий того же времени.

Интитуляция (*intitulatio*), или *суперскрипция* (*superscriptio*), представляет собой обозначение автора документа — того лица (физического или юридического), от чьего имени документ составлен. Само имя может быть указано всего лишь несколькими буквами (рис. 5) или одним инициалом (рис. 2, 13, 16), а может и вовсе отсутствовать (как в случае с грамотами официалов или эшевеннов — рис. 6). Нередко интитуляцию сопровождают *формулы благочестия, смирения или легитимации* (*formulae pietatis, humilitatis, legitimationis*) — вставленные перед или вслед за именем и должностью выражения «*Dei gratia*» (рис. 2, 3, 16, 18, 21), «*divina favente clementia*» (рис. 1, 13), «*servus servorum Dei*» (рис. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10). Это могут быть слова, являющиеся частью пространного эпитета, как в подложной грамоте Вильгельма Завоевателя середины XII в.: «Управляя наивысшей

властью в Английской земле, каковой правя по божественному попустительству и соизволению, во-первых — чудесными знаками и явлениями, затем — великими и прекрасными мужами, наконец — подчинив завоеванием Англо...» («*maximum imperium Anglice terre regens, quod permissione atque voluntate Dei primum signis mirabilibusque, prodigiis, ac deinde magnis viribus bellisque debellando Anglos tandem adquisitum gubernans*») (рис. 14). Такие формулы могут также входить в диспозитив (например, при обозначении контрагентов в частных актах) и в эсхатокл как составная часть подписей и удостоверительных записей. Интитуляция может отсутствовать в протоколе и быть частью удостоверительной записи (как в нотариальных актах, см. рис. 25).

Инскрипция (inscriptio) представляет собой обозначение адресата документа, который может быть персональным, коллективным (когда указывается категория дестинаторов: «*viris tam ecclesiasticis, quam suis comitibus baronibusque, atque ministris omnibus*» — рис. 14), а также универсальным («*omnibus Christi fidelibus*», «*universis presentes litteras inspecturis*»). В случае персональной инскрипции значение должности начиная с XIII в. превалирует над личным именем, которое может и вовсе опускаться. В посланиях папской и подражающих этой манере канцелярий на месте имени ставили две точки (рис. 16), которые до конца XII в. служили обрамлением инициалу (имя адресата никогда не писалось в папских посланиях полностью). *Приветствие (salutatio)* представляет собой краткую формулу, завершающую инскрипцию, оно может дополняться благословением: «*salutem in Domino*», «*salutem et apostolicam benedictionem*» (рис. 7, 8, 9, 12), «*gratiam suam et omne bonum*» (рис. 3), «*salutes a divina providentia Dei misericordia et mea bonitate*» (рис. 14). В отсутствие инскрипции приветствие может заменяться обращением к вечности (*formula perpetuitatis*): «*in perpetuum*» (рис. 4, 5, 6), «*ad perpetuam rei memoriam*».

Преамбула (preambulum, exordium, arenga, proemium, praefatio), или вступление, представляет собой изложение моральных или богословских мотивов к совершению акта. Как правило, она характерна для документов, касающихся пожалований в пользу церкви или внутрицерковных установлений, но с XIII в. постепенно выходит из употребления. В преамбуле нередко встречаются цитаты или отсылки к Священному Писанию и произведениям отцов Церкви. Это самая литературная часть формуляра, представляющая интерес с точки зрения изучения средневековой риторики. Приведем краткую аренгу из королевского пожалования иммунитетных прав графам Фьески 1249 г. (рис. 3): «Подобает царскому величию проявлять неусыпную заботу в отношении достойных из числа подданных и к тем длани щедрости своей простирать, кто к приращению царской власти всеми помыслами устремляется» («*Regali excellencie congruit*

vigilare super meritis subiectorum et manus munificencie ad illos extendere, qui in augmentum imperii toto desiderio sunt ferventes»).

В отличие от преамбулы *наррация* (*narratio, notitia*), или экспозиция (*expositio*), представляет собой изложение обстоятельств, предшествующих совершению акта. В публичных актах этот раздел нередко вводится с помощью временных местоименных наречий, *cum historicum* или с помощью формулы нотификации. *Нотификация*, или объявление (*notificatio, promulgatio, publicatio*), представляет собой формулу, вводящую последующую *наррацию* или *диспозицию*, служа заменой или дополнением универсальной инскрипции: «*Per hoc presens scriptum significamus omnibus fidelibus nostris, quod...*» (рис. 2), «*Noverint tam presentes, quam futuri, quod...*» (рис. 24), «*Manifestum facio*» (рис. 26), «*Universis et singulis presentes litteras nostras inspecturis ac omnibus, ad quos res quomodolibet pertinet seu in futurum pertinere et spectre posset, notum esse volumus, come...*» (рис. 18), «*Damus pro memoria et in testimonium presenti, quod...*» (рис. 21).

Распоряжение (*dispositio*) являет собой сущность акта. Часто, будучи выражено глаголом и сопутствующими ему причастиями, в одном и том же предложении оно может быть дополнено *клаузулами*, уточняющими и разъясняющими механизм осуществления тех правовых изменений, которые порождает данный акт. В частно-правовых договорах это могут быть обещание или клятва соблюдать условия достигнутого соглашения, сообщение о согласии членов семьи, феодального сеньора и других заинтересованных сторон на передачу владельческих прав. В случае договора купли-продажи обычно добавляется свидетельство получения денег продавцом: «*...70 солидов, каковые мы получили в наши руки, и об этом объявлено*» («*...solides LXX, quod manibus nostris recepimus et est manifestum*» — рис. 23); «Плату же, каковая была, согласно нашему договору, в 45 дукатов хорошего золота и надлежащего веса, от вас принял и полностью получил» («*Precium autem, quod fuit iusta [д. б. iuxta] nostre conventionis pactum ducatis quadraginta quinque boni auri et iusti ponderis, a vobis integraliter habui et recepi*» — рис. 26). В документах развитого *нотариата* встречается обязательство гарантии — обеспечение со стороны продавца прав нового владельца на приобретенное имущество: «Кроме того, обещаю вам права на эту рабыню защищать, отстаивать, подтверждать их и охранять от посягательств всякого человека и лица по совести, всеми моими собственными средствами, со всеми расходами и издержками» («*Insuper promitto vobis ipsam sclavam deffendere, guarentare, auctorare, disbrigare ab omni homine et persona cum ratione omnibus meis propriis, omnibus sumptibus interesse et expensis*» — рис. 26).

Целый ряд *клаузул* в актах, относящихся к сфере публичного права, объединяется в понятие *санкций* — разъяснений относительно кары

в виде штрафа (*sanctio temporalis*) или наказания в загробном мире (*sanctio spiritualis*) за неисполнение или нарушение изложенных в документе постановлений. *Прохибитивная клаузула* представляет собой формулировку запрета: «Никому из людей да не позволено будет этот акт нашего установления нарушать или же безрассудно оказывать ему противодействие» («*Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam nostre concessionis infringere vel ei ausu temerario contraire*» — рис. 9).

Комминаторная клаузула в документах церковных иерархов сообщает об угрозе спасению души нарушителя: «Ежели же какое лицо в будущем, духовное или светское, зная об этой грамоте с нашим постановлением, опрометчиво дерзнет оказывать ей противодействие, будучи дважды ли, трижды удержано, и если не искупит полноценно [свою вину], да будет оно лишено своего достоинства власти и чести, да познает оно участь ответчика на божественном судилище, обвиненного со всею строгостью, и да будет отлучено оно от святейшего тела и крови Бога и Господа нашего Иисуса Христа, и на Страшном суде да падет на него суровая кара» («*Si qua igitur in futurum ecclesiastica secularive persona hanc nostre constitutionis paginam sciens, contra eam temere venire temptaverit, secundo tertiove commonita, si non satisfactione congrua emendaverit, potestatis honorisque sui dignitate careat reamque se divino iudicio existere de perpetrata iniquitate cognoscat et a sacratissimo corpore ac sanguine Dei et Domini redemptoris nostri Iesu Christi aliena fiat, atque in extremo examine districtae ultioni subiaceat*» — рис. 4).

Корроборация (*corroboratio*) — специальная формула, объявляющая о скреплении документа печатью: «Каковое [постановление], дабы оно пребывало в будущем твердым и незыблемым, мы приказали к настоящему документу приложить нашу печать» («*Quod, ut ratum et stabile permaneat in futurum, presentibus litteris nostrum fecimus apponi sigillum*» — рис. 16). Корроборация может сочетаться с упоминанием приказа составить письменный документ (*iussio*). В частных актах аналогом этой формулы выступает просьба (*rogatio*): «*nos ... qui [i]sta carta vindicione [д. б. venditionis] fecimus et firmare rogavimus*» (рис. 23). Нередко их относят к формулам эсхатокола. Рогация, как и приказ о составлении акта, может быть дополнена указанием на число экземпляров. Чаще всего именно из этих формул и из санкций исследователи узнают о том, какие именно термины использовали современники для обозначения документа и удостоверяемого им правового акта.

Дата может входить как в протокол, так и в эсхатокол. В отдельных регионах Италии нотариальные акты начинались именно с даты. Более того, дата может быть разделена: *хронологическая дата* (указание на год, царствование и индикт) может находиться в составе протокола, а *локальная дата* (указание на место совершения акта) — быть в эсхатоколе. Дата

вводится словами «*Datum*», «*Actum*», «*Auctum*», «*Factum*», «*Scriptum*» или «*Notum*». К какому именно этапу составления акта отсылает эта формула, далеко не всегда можно сказать с уверенностью: к заключению предварительного соглашения, легшего в основу документа, к составлению белого отпуска, к его удостоверению, подписанию или к публичному оглашению грамоты. Порой в формуле даты находят свое воплощение несколько стадий, если они значительно разнесены по времени: «Совершено в лето от воплощения тысяча сто пятьдесят пятое. Подтверждено же в тысяча сто шестьдесят третьем, во время нашего нахождения в должности, и одобрено в присутствии всего нашего капитула» («*Actum est hoc anno incarnationis M^o C^o LV. Confirmatum autem M^o C^o LXIII° tempore nostro et recognitum coram omni capitulo nostro*» — рис. 24).

Локальная дата может содержать указание на населенный пункт (иногда вместо аблатива может использоваться архаичная форма *genetivus loci*), на собрание людей (дворец, суд, кафедральный капитул), на известный современникам участок населенного пункта — особенно в случае с итальянскими нотариальными актами («на площади», «у такой-то церкви», «перед домом с башенкой»). Хронологических дат у документа бывает несколько: указание на год от воплощения Господня может соседствовать с годом индикта (рис. 17, 18, 25, 26), а также годом правления верховного суверена или годом понтификата римского папы (рис. 1, 4, 5, 6). Дата могла быть и частичной. Могло отсутствовать указание на место составления акта. Хронологическая дата могла отсутствовать вовсе: «*Data carta hac et confirmata apud Lundonias*» (рис. 14) или содержать указание только на число и месяц: «*Datum Verone III idus martii*» (рис. 7).

Благопожелание (*apprecatio*) представляет собой отдельно стоящую формулу: «*Feliciter*», «*Amen*». Нередко оно завершает хронологическую дату или инвокацию и вместе с ними может входить как в эсхатокол, так и в протокол. В больших папских привилегиях тройное «*Amen*» завершает текст документа, благословение «*Bene valete*» предшествует дате в составе эсхатокола.

Способы валидации акта

Знаки аутентификации — это такие особенности внешнего оформления актов, которые сознательно использовались самими составителями и понимались ими как средство защиты документа от подделки. Их следу-

ет отличать от тех внешних характеристик, использование которых происходит по традиции или по индивидуальной привычке — неосознанно; к ним относятся особенности письма, индивидуальная письменная манера (в просторечии — почерк), особенности орфографии и пунктуации, ошибки, исправления, иллюминация и орнаментальные украшения.

Определение того, что следует относить к принятым знакам аутентификации (а что отнести к другим особенностям оформления), составляет важную часть внешней критики и может стать предметом отдельного дипломатического исследования. Работы П. Рюка и его исследовательской школы, связанной с LBA, а также М. Париса (Michel Parisse) и его учеников показали, что в тех случаях, когда речь идет о развитом канцелярском делопроизводстве, следует говорить не столько об отдельных знаках, сколько о целом ансамбле внешних особенностей, который весь в совокупности направлен на обеспечение аутентичности. Это справедливо и по отношению к локальным нотариальным традициям в период развитого нотариата. Помимо самих знаков аутентификации, аутентифицирующее значение могут иметь способ их изображения и пропорции, место их расположения на листе, пропорции пергаменного листа, ширина полей и межстрочное расстояние, сочетание материала и цвета вислой печати с материалом и способом ее прикрепления, сочетание и чередование нескольких типов письма, использование определенных знаков сокращения и отдельных буквенных форм, оформление перечня свидетелей и т. д.

К собственно знакам аутентификации относятся печати, подписи (удостоверительные записи и личные знаки), хирографы, графические изображения, являющиеся частью формуляра (монограммы, особые знаки вроде роты или руэды).

Подпись (subscriptio) как часть формуляра представляет собой удостоверительную запись, содержащую имя, а также, как вариант, — указание на должность, социальное положение или конкретные функции автора подписи, значимые для совершаемого акта. Такая запись может быть составлена от первого лица («*Ego, N.N., subscripsi*») или от третьего («*N.N. subscripsit*», «*Hii sunt nomina: N.N. testis, N.N. testis*», «*Signum manus N.N.*»). Удостоверительную запись следует отличать от акта рукоприложения и уникального личного идентифицирующего знака. В наши дни личная подпись, как ее используем мы, соединяет все три функции воедино. Кроме того, у каждого гражданина РФ есть как минимум три варианта удостоверительной записи: 1) личная подпись, имеющая характер идентифицирующего знака, 2) подпись с расшифровкой фамилии и инициалов и 3) пространственный вариант, включающий в себя записанные от руки паспортные данные. При этом личная подпись должна быть если

не читаемой, то хотя бы узнаваемой и соответствовать эталонному варианту, который зафиксирован в паспорте.

В Средние века три функции подписи (собственноручное написание, возможность идентификации, возможность прочтения) существовали независимо друг от друга. В связи с этим в дипломатике различают *автографические* и *аллографические подписи*. Во втором случае текст удостоверительной записи, даже если он и составлен от первого лица, выполняет за автора подписи другой человек. Встречаются ситуации, когда эти два вида подписей совмещаются. Например, в случае с папскими и кардинальскими подписями в больших привилегиях со второй половины XII в. собственноручными были только отдельные части удостоверительной записи: предваряющий ее крест, первое слово *Ego* или даже первая буква *E*. Остальной текст подписей выполняли за кардиналов их секретари или сотрудники канцелярии, за папу — составивший грамоту писец. В приведенном примере грамоты Иннокентия II 1133 г. (рис. 4) все подписи выполнены собственноручно.

Личные знаки или *знаки руки* (*signum manus*) также могут быть аллографическими. В частном акте 997 г. можно видеть личный знак писца, предваряющий текст удостоверительной записи, свидетельствующей об акте собственноручного составления им документа («*Gato scripsi*»). Рукой того же писца выполнены шесть из семи подписей продавцов: имена с предваряющими их знаками в виде креста в круге, являющегося одновременно сокращением слова *s(ignu)m*. Один из продавцов по имени *Bonushomo* написал свое имя собственноручно и сам же нарисовал свой *signum manus*. Собственноручными являются подписи и трех свидетелей акта в последней строке грамоты, хотя предваряющие их знаки, очевидно, исполнены писцом (рис. 23).

Акт собственноручного удостоверения документа лицом, от чьего имени была составлена грамота, не обязательно был связан с его подписью, т.е. с удостоверительной записью, содержащей имя автора документа. В императорских дипломах этой цели служила монограмма, составленная из букв имени, а затем — и титула, которая в строке заверки описывается как личный знак государя: «*Signum domini Widonis, excellentissimi imperatoris*» (рис. 1), «*Signum domini Wilelmi, Romanorum regis invictissimi*» (рис. 3). Готовый, но еще недатированный документ с нарисованной монограммой зачитывался в публичном собрании, после чего император удостоверял монограмму небольшим штрихом, вероятно, проводя его поверх готового. После чего удлинненными литерами писалась строка заверки и дата. В дипломе императора Гвидо 891 г. заметна неровность горизонтальной линии, соединяющей букву *I* с ромбовидной *O*. Колоколообразный знак, составленный из множества букв *S* (сокращение

от *subscripsi*), завершающий строку заверки, представляет собой собственноручное удостоверение диплома местоблюстителя главы канцелярии: «*Goderardus notarius advicem Helbunci archicancellarii recognovi et suscripsi*» (рис. 1).

В папских грамотах, изданных до конца VIII в., от которых не сохранилось полноценных оригиналов, для удостоверения их римскими понтификами, судя по позднейшим копиям, использовалась формула даты — как это было принято в канцеляриях византийских императоров, патриархов и митрополитов. Потом эту функцию приняла на себя формула финального благопожелания. В середине XI в., с понтификата Льва IX формулу *Bene valete* стали исполнять в виде монограммы, в эсхатокол была введена *poma* (от лат. *rota* — колесо) — символическое изображение освященного знаком креста универсума. Позже похожие знаки, как подражание папским грамотам, появились в торжественных актах некоторых других крупных канцелярий, например королей Сицилии, Кастилии и Леона. В течение полувека именно с надписями внутри и по кругу роты было связано собственноручное удостоверение больших папских привилегий. Папская подпись в виде самостоятельной формулы «*Ego N.N. catholice ecclesie episcopus subscripsi*» была введена лишь в начале XII в. В приведенном примере грамоты 1133 г. эта удостоверительная запись полностью начертана папской рукой, как и надпись по кругу роты «*Adiuva nos, Deus salutatis noster*» (Ps 78:9) — строка из псалма, выбранная Иннокентием II в качестве девиза его понтификата (рис. 4). Собственноручная заверка главой канцелярии или его заместителем состояла в написании им строки даты. С начала XII в. дату после проставления папской и кардинальских подписей писал писец, датарий лишь вписывал в оставленное для него место свое имя или начальную букву, как в приведенном примере.

Печать представляет собой самый распространенный способ валидации грамот, особенно если речь идет об актах, относящихся к публично-правовой сфере. По способу приложения средневековые печати делятся на вислые и прикладные.

Для прикрепления прикладной печати к папирусу в нижней части листа, как правило справа, делалось небольшое отверстие. Заготовка из воска крепилась благодаря этому отверстию с двух сторон листа по типу заклепки. На лицевой стороне печати делался оттиск. Грамота Хлотаря II 584–629 гг. в пользу Сен-Дени сохранила отверстие на месте крепления утраченной прикладной печати³⁷. Тем же способом вплоть до второй половины XII в. крепились в императорской и некоторых епископских канцеляриях

³⁷ Paris, Archives Nationales. K 1, n. 4 (D Mer, 22; ARTEM, 4503 — под 628 г.; ChLA 550).

восковые печати на пергамен. Другой вариант наложения объемной прикладной печати предполагал использование пергаменной ленточки, которая прошивала лист документа на манер крепления пуговицы (рис. 13). К концу XII в. тяжелые прикладные печати выходят из употребления.

Для прикрепления к папирусу печати вислой нижний край документа подгибался кверху, чтобы укрепить край листа. Веревочка, на которой крепилась двусторонняя восковая или металлическая печать, предварительно продевалась через отверстия, сделанные в укрепленном крае. Фрагмент папской грамоты Иоанна XIII 968 г. в пользу монастыря Херсфельд не сохранил ни единой буквы текста, зато прекрасно демонстрирует способ крепления свинцовой буллы на шелковом шнуре³⁸. С переходом на пергамен традиция укреплять материал в месте привески печати сохранилась. Загнутый край пергамена называется *пликой* (*plica*), иногда в русскоязычной традиции используется термин «загиб». К плике вислая печать могла крепиться с помощью витых или плетеных шнуров из нитей, пеньковой веревочки, кожаных или пергаменных ленточек. Способов продевания шнура или веревочки с Раннего Средневековья существовало множество — через три отверстия (рис. 1, 15), через четыре или пять. В XVI в. в Германии и Скандинавских странах появляется традиция располагать на широкой плике несколько стежков шнура, расходящихся от центра, подобно пальцам на птичьей лапе. Но чаще всего шнур продевался через два отверстия (рис. 4, 7, 8, 9, 16, 17, 18): на лицевой стороне делался стежок; он перекручивался в петлю, в которую затем продевались концы с обратной стороны; петля затягивалась, концы свивались в один шнур, на который затем крепилась печать.

Пергаменная ленточка обычно продевалась через одинарную или двойную прорезь в плике. Такой способ крепления во французской сикиллографии, наиболее разработанной терминологически, получил наименование *double queue* (*cauda duplex*). Если к документу было необходимо прикрепить множество печатей, то плика делалась не только внизу, но и по боковым краям пергамена, как это было сделано для 30 печатей, приложенных к декларации французских баронов против Пьера Моклерка, графа Бретонского, 1230 г.³⁹ До конца XII в. использовалось также прикрепление двусторонней восковой печати к пергаменному язычку, частично отрезанному от листа грамоты, — *simple queue* (*cauda simplex*) (рис. 14). При необходимости прикрепить к документу много мелких печатей нижний или правый край грамоты нарезался лапшой, как это было сделано для 25 печатей в письме Генриха III, короля Англии, адресованном Людовика IX в 1263 г. с просьбой выступить арбитром в споре с английскими

³⁸ Marburg, Haupt-Staatsarchiv. Urk. 56, 1 (JL 3723; LBA 6329).

³⁹ Paris, Archives Nationales. AE II, n. 231 (ancien J 241, n. 5; Florilège, 182).

баронами⁴⁰. Существовал также промежуточный способ крепления, когда пергаменный язычок перед оснащением его печатью продевался сквозь прорезь в нижнем крае пергамена или сквозь плику (рис. 24). Такой способ известен как *simple queue parisienne*, или *simple queue bretonne*.

Для транспортировки и последующего хранения грамоты с вислой или прикладной печатью складывались в пакет — таким образом, чтобы печать оказалась внутри. Но даже в тех случаях, когда большой размер печати, сравнительно с размером грамоты, не позволял этого сделать (рис. 14), или когда печати не предполагалось (рис. 2, 5, 23, 25, 26), документ всё равно складывался — для предохранения письма.

В случае с многостраничными документами XVI–XVII вв. вислая печать крепилась на шнуре, сплетенном из нитей, скрепляющих листы тетради или связывающих несколько тетрадей в один переплет (рис. 19). Пфальцский и трирский экземпляры Золотой буллы Карла IV 1356 г., представляющие собой пергаменные тетради из 24 и 28 листов в пергаменном переплете, демонстрируют более ранний способ крепления вислой металлической печати: шелковый шнур из разноцветных нитей был продет сквозь отверстия в нижних краях листов рядом с переплетом⁴¹.

С XIV в. входят в употребление печати из воскомастичной массы, позволяющие делать более детализированный оттиск при меньшей глубине рельефа. В качестве прикладных они крепились к листу или к пергаменной ленточке типа *simple queue* за счет адгезии самого материала, без обхвата бумаги или пергамена с противоположной стороны (рис. 12). В качестве вислых такие печати помещались в восковой ковчежец, выполненный в виде чашечки с толстыми краями. Ковчежец мог быть деревянным или металлическим. Собственно, этот ковчежец и крепился к шнуру или пергаменной ленточке, а не сама печать.

С XV в. широко распространяются прикладные воскомастичные печати под бумажной кустодией, допускавшие еще большую детализацию оттиска, поскольку его носителем является бумага. Подобно тому как вислые металлические печати на шнурах, привешивавшиеся к пергаменным или папирусным листам, были, по-видимому, унаследованы средневековым делопроизводством от практики запечатывания папирусных писем и документов, прикладные печати под бумажной кустодией на открытых грамотах, вероятнее всего, развились из практики запечатывания бумажных писем (рис. 20) по аналогии с папскими бреве. Форм исполнения этих кустодий было множество. Печать могла быть прикрыта уголком или специально вырезанным фигурным фрагментом того листа, на котором

⁴⁰ Paris, Archives Nationales. AE III, n. 64 (ancien J 630, n. 22; Florilège, 124).

⁴¹ München, Bayerisches Hauptstaatsarchiv. Kurpfalz Urkunden, 1; Stuttgart, Hauptstaatsarchiv. H 51, U 589.

был записан текст документа. Это мог быть вырезанный наподобие бумажной снежинки отдельный листок, приложенный к документу, в том числе и пергаменному (рис. 22). Это мог быть сам лист с текстом грамоты: в этом случае для документа брался бумажный лист вдвое большего размера, лист складывался пополам, и воскомастичная масса закладывалась между половинами листа, скрепляя их и тем самым компенсируя недостаточную прочность самого писчего материала (рис. 21). В случае с многостраничными документами такая печать могла одновременно прикреплять к последнему листу нить, сшивающую между собой листы, — подобно тому как поступают современные нотариусы, пользуясь для этой цели бумажкой с проставленным на ней штампом.

В тех случаях, когда существовала необходимость обеспечить подлинность одновременно нескольких экземпляров (в случае заключения двух- или трехстороннего соглашения, когда каждая из сторон получала свой экземпляр), могли прибегать к помощи *хирографа*. Два или три равноценных подлинных экземпляра записывались на одном пергаменном листе, потом между текстами грамот делалась надпись или рисунок, по которой проходила линия разреза. Словом *хирограф* может обозначаться как сама идентифицирующая надпись, так и оснащенный ею документ.

В приведенном примере соглашения, заключенного между двумя монашескими обителями (рис. 24), в формуле корроборации объясняется цель и последовательность создания такой грамоты: «А чтобы это соглашение пребывало стабильным и нерушимым, ради этого сделан хирограф и разделен надвое, и каждая часть печатью противоположной стороны удостоверена» («*Ut autem hec conventio stabilis et inconculsa permaneat, cyrographum inde factum et in duo divisum est et utraque pars alterius sigillo confirmata*»). Верхний край грамоты демонстрирует нижнюю часть надписи из одиннадцати букв с капитальной *M*: «CYROGRAPHVM». После нее помещено изображение равноконечного креста, за которым следует верхняя часть надписи из десяти букв, с унциальной *M* и в другой орфографии, чтобы уложиться в оставшееся пространство: «CIROGRAFVM». Прорезь от утраченной вислой печати, крепившейся на пергаменной полоске, отрезанной от края плитки, расположена точно под знаком креста в хирографе — с некоторым смещением от центра грамоты.

Таким средством валидации активно пользовались в XI–XII вв., но встречаются и более поздние примеры XIV–XV вв., особенно среди английских частных актов. Любопытным примером долгой жизни хирографов могут служить паспорта на проход в Средиземное море, выдававшиеся в соответствии с соглашениями, заключенными в XVIII в. между правительством Британской империи (а затем — и США) и государствами североафриканского побережья (рис. 22). Корешки печатных бланков

с верхней частью гравюры находились у капитанов арабских судов, промышлявших пиратством. Документы с нижней частью гравюры, бывшей обязательной частью печатного бланка, выдавались капитанам английских и американских судов. Государственная печать, подписи президента и государственного секретаря удостоверяли подлинность судебного свидетельства для тех, кто владел знаниями о европейской и американской культуре делопроизводства. Совпадение же мачт и снастей изображенного на бланке парусника с их верхушками на волнообразно отрезанном корешке удостоверяло подлинность документа при столкновении с представителями другой культуры.

Канцелярское делопроизводство

Само слово *cancellaria* впервые появляется применительно к делопроизводству при римской курии в послании Александра III к Генриху, архиепископу Реймскому, 1167 г. (JL 11356) — в период, когда именно это делопроизводство становится образцовым для всей христианской Европы. Одновременно с подражанием нормам выпуска грамот, особенностям их внешнего оформления и организации труда, распространяется и сам термин, который в дальнейшем стал ретроспективно применяться и в отношении более ранней эпохи применительно к делопроизводству при дворах императоров, королей, высшего духовенства и светских государей. С одной стороны, это оправдано тем, что *cancellaria*, означавшее также должность канцлера, является производным от *cancellarius*, которое в значении «письмоводитель» встречается уже в кодексе Феодосия, принятом в 428 г. С другой стороны, в отношении периода до XII в. в распоряжении исследователей, как правило, нет практически никаких источников об организации такого рода делопроизводства, за исключением сохранившихся текстов актов и внешнего оформления дошедших до нашего времени оригиналов. Акты римских императоров, за исключением отдельных фрагментов⁴², не дошли до нашего времени в подлинниках. Древнейшие латинские акты светских суверенов, которыми располагает дипломатика, относятся к меровингскому времени. Самыми ранними оригиналами

⁴² Например, семь фрагментов императорского рескрипта префекту Египта 436–450 гг., четыре из которых хранятся в Париже, а три в Лейдене: Paris, Bibliothèque Nationale. Ms. lat. 16915, nn. 1–3; Paris, Louvre. P. 2404; Leiden, Rijksmuseum. P. 421abc (ChLA 657; ARTEM 5001); *Litterae caelestes*, осн. текст на греческом — V в., 483(?) г.: British museum. P. 1868, 2563 (ChLA, 213, 217).

являются поврежденные грамоты Хлотаря II 625 г. и 584–629 гг. в пользу Сен-Дени⁴³. Древнейшим оригиналом папской грамоты является фрагмент папирусного послания Адриана I 788 г. к Карлу Великому⁴⁴. Из примерно 4000 известных на сегодняшний день папских грамот, изданных до середины XI в., сохранилось всего 25 оригиналов, составленных на папирусе и 27 подлинных грамот на пергамене, принадлежащих к последним десятилетиям этого древнейшего периода. В связи с этим нередко суждения о древнейшем периоде канцелярского делопроизводства выстраиваются с учетом материала позднейшего времени.

Издание грамоты могло быть инициировано самим носителем верховной власти или же являться ответом на обращение со стороны просителя — будущего получателя (дестинатора) документа, который не обязательно совпадал с адресатом, указанным в формуле инскрипции или нотификации. Так, послание папы Александра IV 1255 г. адресовано главе церковной школы (*scholasticus*) города Хайлигенштадта. Однако истинным получателем документа являются препоручаемые его заботам аббатисса и монахини цистерцианского аббатства Бойрен Майнцского диоцеза: «*abbatissa et conventus monasterii Sancte Marie Sanctisque apostoli Andree in Buren Ordinis Cisterciensis, Maguntinensis diocesis*» (рис. 9). О факте поданного прошения может быть кратко упомянуто в диспозиции: «милостию снисходим к твоим справедливым жалобам» («*tuis iustis postulationibus clementer annuimus*»). Либо история подачи прошения или жалобы излагается в наррации: «*Стало нам недавно известно от подеста и капитана нашего в Тревизо, что тамошней камере обещано за весь недавно истекший месяц апрель 685 лир*» («*Habuimus nuperime a potestate et capitaneo nostro Tarvisii, quod ille camere dare testatur per totum mensem aprilis prope preteriti libras VI^l LXXXIII^l*» — рис. 17).

Прощение (*petitio, postulatio*) могло быть подано как устно, так и письменно. В апостольской канцелярии письменная подача прошений, составленных в соответствии с определенным формуляром, становится обязательной в XIII в., в связи с чем возникает особый штат служащих, занимавшихся составлением челобитных — петенциариев. С XIV в. письменные прошения, получившие название *супплик* (*supplica*), в ряде случаев после получения собственноручной папской визы не требовали составления грамоты, в связи с чем приравнялись к подлинным документам Апостольского престола. Приводимое в качестве примера прошение на имя Урбана VI 1384 г. до обнаружения в барселонском Архиве Арагонской короны супплик 1305 г. считалось древнейшей подлинной

⁴³ Paris, Archives Nationales. AE II, n. 1 (ancien K 1, n. 7/1; D Mer, 28; ARTEM, 4505; ChLA 552; Florilège, 534); K 1, n. 4 (D Mer, 22; ARTEM, 4503 — под 628 г.; ChLA 550).

⁴⁴ Paris, Archives Nationales. K 7, n. 9/2 (JE 2462; ARTEM, 4502; ChLA 630).

суппликой в Европе. Клирик Гизельберт из епископства Льежского просит папу снять отлучение, наложенное на него как на приверженца «антипапы R.» (Робера Женевского, принявшего имя Климента VII). На петиции стоит собственноручная папская резолюция «Да будет по особой милости» («*Fiat de [gratia] speciali*») с последующим инициалом папы, отсылающим к его родовому имени — Бартоломео Приньяно («PR» = «*Prignano*»). Ниже папской визы располагается помета вице-канцлера относительно условий получения папского прощения: «Пусть отречется в Апостольской камере» («*Abiuret in Camera*»). По самому краю в правом углу выцветшими чернилами сделана помета кардинала-пенитенциария о том, что клирик отрекся от принесенной им клятвы верности Клименту VII. При подаче и при прохождении по инстанциям прошение не было датировано. Дата определяется по записи регистратора супплек на обороте (рис. 11).

Применительно к составлению грамоты принято различать *диктатора* (нотария, подготавливавшего текст будущего акта на основе поданной петиции) и *ингроссатора* (писца, в чьи обязанности входило изготовление белового отпуски). При папской курии традицией было обусловлено семь региональных нотариатов. По мере роста объема выпускаемой документации к составлению грамот стали привлекать младших служащих, известных как бривиаторы, или аббревиаторы. Считается, что в XI–XII вв. функции нотариатов и писцов еще не были четко разделены, и даже примерное число составителей белового отпуски для каждого понтификата неизвестно. В конце XIII в. в этой крупнейшей канцелярии Европы трудилось сотня писцов одновременно, не считая 24 пенитенциариев. Для изучения штата и персонала папской курии исследователи обращаются к канцелярским пометам, появляющимся на грамотах с рубежа XII–XIII вв. и содержащим инициалы, а позднее — и имена служащих (рис. 8, 9, рис. 11 (№ 2)). Императорские дипломы, как и акты крупных светских и духовных сеньоров, в отличие от папских грамот с их строгой формализацией, оставляют исследователю гораздо больше возможности для проведения текстологического и палеографического анализа. Поэтому анонимных диктаторов и ингроссаторов принято обозначать сиглами и номерами для каждого правления.

Исследование Г. фон Фихтенау (H. von Fichtenau) показало, что значительная часть императорских дипломов была составлена вне канцелярии: в процессе перемещений двора приходилось прибегать к услугам местных писцов. Сравнение книжного письма с письмом документов и сопоставление текста дипломов и частных актов выявило, что к составлению как текста, так и белового отпуски императорских и королевских грамот нередко привлекались представители тех же духовных учреждений, которые

и являлись получателями этих привилегий. К числу таких составленных вне курии документов относятся торжественные послания Вильгельма Голландского (рис. 3). Верное указание индикта (в отличие от принятого в канцелярии Вильгельма в 1249–1250 гг. неверного) и изображение монограммы в круге, подобно папской роте, заставило исследователей предположить, что текст этих документов составлен и записан кем-то из членов римского посольства с опорой на один из принятых для императорских дипломов формуляров, пусть и при участии сотрудников королевской канцелярии. В обоих случаях Иннокентий IV, происходивший из графов Фьески, мог быть заинтересован в издании этих документов.

Наравне с торжественно оформленными жалованными грамотами (рис. 1, 4, 5, 6) в развитом канцелярском делопроизводстве обычно существовали другие виды документов, которыми изначально оформлялись письма и приказы. В дипломатике императорских грамот их принято определять как мандаты (*Mandat*) и послания (*Brief*), противопоставляя их дипломам. Применительно к папской курии этот вид документов обозначается как послания (*litterae*), или в старой традиции — *малые буллы*, в отличие от привилегий (*privilegia*), или *больших булл*. Составление посланий, с очевидностью, требовало меньших затрат, как в плане большей простоты формуляра по сравнению с дипломами и привилегиями, так и, вероятно, в плане промугляции акта. Поэтому в течение XII в. всё большее число вопросов, относящихся к сфере публичных жалований и подтверждений тех или иных прав, которые в предшествующий период требовали издания торжественной грамоты, стало доверяться посланиям, по своему формуляру бывшим наследниками деловой переписки.

С этим обстоятельством связана такая характерная черта ранних посланий, как неполная хронологическая дата. Даже когда документами такого рода производились «вечные» по своему смыслу пожалования, указание на год опускалось, так как имелся в виду год текущий. В этих случаях исследователям приходится датировать памятник исходя из изложенных в нем обстоятельств, на основе имеющихся итинерариев и других документов, изданных тем же лицом. Так, год закрытого послания Урбана III 1186 г. (JL 15549 — рис. 7) был определен благодаря тому, что одновременно с несколькими *litterae* о защите прав генуэзцев в Палестине, изданными в Вероне и датированными четвертым и третьим днем перед мартовскими идами, была составлена большая привилегия в пользу Ордена Иоаннитов с полной хронологической датой (JL 15551). Только в конце XII в., когда этот тип грамот стал превалировать над выпуском торжественных дипломов и привилегий, в папской, а затем в императорской канцелярии в дату посланий добавили указание на год понтификата или индикта (рис. 2).

В посланиях принято различать открытые грамоты (*litterae patentes*) и те, что направлялись адресату запечатанными — в закрытом виде (*litterae secretae*, *litterae clausae*). Большая часть дошедших до нашего времени посланий принадлежат к грамотам, изданным открыто. К числу древнейших посланий относятся письмо Людовика Благочестивого Адальрамму, архиепископу Зальцбурга, 823 г. и его приказ 830–833 гг., адресованный епископу Падерборна Бадераду с инструкциями по обеспечению прав аббатства Корвей⁴⁵. Первый документ имеет инвокацию в виде креста, совпадающую с первой буквой вербальной инвокации. В конце текста стоит написанное маюскулом благопожелание «*Bene vale et ora pro nobis*», ниже которого отдельной строкой следует полная дата. Второй документ не датирован и лишен аренги. Письмо посланий однообразное, без удлинённых литер, послания лишены строки канцелярской заверки и монограммы. По воспроизведениям неясно, каким образом к документам крепилась печать. На оборотной стороне послания епископу Бадераду сохранился адрес, написанный той же рукой, что и основной текст, в связи с чем это послание в литературе XIX в. иногда описывают как закрытое.

Закрытые послания в силу их преходящей значимости, в отличие от привилегий, изначально, по-видимому, не предполагали длительного хранения, и именно поэтому чрезвычайно редки. В случае с *litterae clausae* Апостольского престола сохранившиеся образцы позволяют судить, что их формуляр никоим образом не отличался от посланий административного характера — посланных открыто с печатью на пеньковой веревочке. Единственным отличием следует признать способ крепления вислой свинцовой печати. Лишенная плитки грамота сворачивалась в пакет (как и любая другая), на внешней стороне которого тем же писцом, вероятно, заранее писался адрес. Отверстия для печати проделывались в краях пакета — таким образом, что при распечатывании надо было либо разрезать веревочку, тем самым лишив грамоту печати, либо надрезать пергамен от краев пакета к отверстиям, за исключением одного сектора (рис. 7, 17).

Одновременно в курии существовал другой тип закрытых посланий — *litterae secretae*, которые запечатывались прикладной восковой печатью с оттиском «кольца рыбака» (*anulus piscatoris*) с изображением апостола Петра, закидывающего сети или удящего рыбу. Первое упоминание такого способа запечатывания посланий относится к 1265 г., но документов с такими печатями от XIII–XIV вв. до нашего времени не дошло; древнейший оттиск кольца с именем Николая III сохранился на реликварии

⁴⁵ Wien, Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Salzburg, Erzstift, AUR0823 VI 19 (RI I, n. 774; MGH Ep. V, S. 311, Nr. 8, KUA 11, n. 1 — как оригинал; MOM — как современная оригиналу копия); Münster, Staatsarchiv. Corvey, Nr.4 (RI I, n. 924; KUA 1, n. 7a; LBA 8541 — под 826 г.).

св. Пракседы в Museo Sacro в Ватикане и датируется 1279 г. Послание Урбана IV 1262 г., выражающее недовольство союзом, заключенным генуэзцами с Михаилом Палеологом, показывает, что такого рода *litterae secretae* прошивались не шнурком, как обычные *litterae clausa*, а пергаменной ленточкой; восковая печать крепилась на сам пакет, подобно тому как запечатывались послания в тех канцеляриях, где были в ходу прикладные печати (например, уже упомянутое бумажное послание Фридриха II 1228 г.)⁴⁶. Примером одного из древнейших епископских закрытых посланий может считаться послание архиепископа Майнца Конрада I епископу Мюнстера Герману 1187–1188 гг. по поводу монастыря Asbeck. По характеру прорезей создается впечатление, что письмо пересылалось закрытым дважды. Один раз грамота была сложена по горизонтали и три раза по вертикали, пакет был прошит узкой пергаменной ленточкой посередине. Второй раз грамота была сложена пополам по вертикали и прошита двумя широкими пергаменными лентами⁴⁷.

Вечные пожалования, гарантированные открытыми посланиями, выделяются в особый вид полу-торжественных документов. В папской канцелярии эту роль в конце XI — первых десятилетиях XII в. выполняли так называемые простые привилегии (лишенные инициала, кардинальских подписей, монограммы, коммы и заверенные одной лишь ротой, а с начала XII в. — папской подписью). Затем, со второй половины XII в. — выделились послания с печатью на шелковом шнуре (*litterae cum serico*, или *tituli*) (рис. 9), отличавшиеся от административных посланий с печатью на пеньковой веревочке (*litterae cum filo canapis*, или *mandamenta*) (рис. 8, 10) не только материалом крепления свинцовой буллы и более пространством формуляром (наличием комбинаторной и прохибитивной клаузул), но и графически — инициалом, написанием имени папы удлиненными литерами, буквицами в начале формул и знаками сокращения в виде раскрытой восьмерки. В императорской канцелярии эту нишу заняли возникшие на основе мандатов (приказов и распоряжений административного свойства) простые привилегии (*einfache Privilegien*), а также торжественные послания (*feierliche Briefprivilegien*), близкие по формуляру первым, но отличающиеся от них наличием адреса. От дипломов их отличало использование вислой печати вместо прикладной, отсутствие инвокации и канцелярской заверки, более простой протокол (рис. 3). Существовала также практика издания совсем простых по своему оформлению посланий (*Briefe*), имевших универсального адресата и по смыслу также представлявших собой жалованные гра-

⁴⁶ Архив СПбИИ РАН, ЗЕС, колл. 41, картон 502, № 25; Wien, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Salzburg, Erztstift. AUR 1228 IV 18 (RI V, 1, 1, n. 1723; KUA 6, n. 18a; MOM).

⁴⁷ Coersfeld, fürstlich Salm-Horstmar'sches Archiv (LBA 80517).

моты (рис. 2). В канцелярии французских королей к середине XIII в. закрепилось деление на послания с печатью зеленого воска на шелковом шнуре из зеленых и красных нитей (*lettres scellées de cire verte*, ими оформлялись разного рода пожалования (рис. 16)), и послания с печатью желтого воска (*lettres scellées de cire jaune* для приказов административного свойства).

Какой тип документа будет выбран, а равно какой способ прикрепления печати (в виде открытого послания или закрытого) окажется предпочтительным, зависело от разных факторов, не всегда напрямую связанных со смыслом грамоты. Даже для периода XIII–XIV вв., когда издание дипломов и привилегий становится редким событием, дипломатисты находят немало казусов, которые остаются без объяснений. Так, известны закрытые послания с вислой печатью из золота. Например, закрытое послание Григория XIII 1 октября 1582 г. с золотой буллой на шелковом шнуре из красных и золотых нитей, адресованное Ивану Грозному (древнейший пример использования золота для папских печатей относится к 1524 г.)⁴⁸.

Спустя несколько столетий подобную эволюцию, связанную с постепенным расширением сфер возможного применения и возникновением смешанных форм, продемонстрировали папские бреве (*litterae apostolicae in forma brevis, brevia*), впервые появившиеся в 1380-х гг., но окончательно оформившиеся при Евгении IV в середине XV в. Одной из отличительных черт этих грамот была прикладная воскомастичная печать, обкладывавшая по краям веревочкой, на которой делался оттиск кольца рыбака, что было зафиксировано в самом тексте документов специальной формулой («*sub annulo piscatoris*»), помещенной между локальной и хронологической датой (рис. 12). Изначально бреве составлялись не в папской канцелярии, а личными папскими секретарями. По мере развития этого типа документации в 1503 г. была создана особая коллегия писцов бреве, которые также принимали в работу супплики, на их основании составляли проект документа, а затем — беловой отпуск, который затем визировался секретарем бреве. Изначально созданные как аналог прежним *litterae clausa* для пересылки в закрытом виде, бреве постепенно приняли на себя основной массив распоряжений, составлявшихся от имени римских понтификов. Наравне с закрытыми бреве (*brevia clausa*) существовали и бреве открытые (*brevia aperta*). Одновременно с появлением бреве возник смешанный тип документации (*brevia plumbata*) — с формуляром, сочетавшим черты как папских посланий, так и бреве, письмом же и способом запечатывания походивший на *litterae clausae*.

⁴⁸ Москва, РГАДА. Ф. 78. Оп. 2. Д. 1.

Закрытые бревне запечатывались на манер писем: бумажный или тончайшего пергамена лист складывался в несколько раз, в середине образовавшегося пакета делалась прорезь, сквозь которую продевалась тонкая пергаменная ленточка, крепившаяся к пакету прикладной печатью. На другой стороне пакета писался адрес. В некоторых случаях пергаменная ленточка имела продолжение в виде более широкой полосы размером с ширину пакета, которому она служила внешней обложкой, прикрывая и печать, и адрес. Эта пергаменная кустодия могла дополняться металлическим ковчежцем, прикрывавшим печать (рис. 12). В открытых бревне отсутствуют прорезы от запечатывания пакета, а прикладная восковая печать может размещаться как на обороте, напротив адреса, так и на лицевой стороне — слева или посередине нижнего поля. В случае особо объемных текстов бревне — как и консисториальные привилегии этого времени — изготовлялись в форме тетради. В этом случае прикладная печать ставилась посередине последней страницы.

Новый тип канцелярской документации — на основе личных писем, с помощью которых стали оформлять приказы и пожалования, — широко распространился в XV–XVII вв. и в канцеляриях светских государей. Такие письма в основном составлялись на бумаге. Для запечатывания пакета использовалась бумажная ленточка, широкий край которой охватывал образовавшийся пакет и прикрывал собой воскомастичную массу, приготовленную для печати. Оттиск делался через эту бумажную кустодию. Таким образом именно бумага становилась носителем оттиска. Адрес писался на противоположной стороне конверта так, чтобы часть его была размещена на пакете, а часть — на бумажной кустодии. При распечатывании письма эта часть адреса, как правило, терялась, зачастую вместе с печатью. В приведенном письме за подписью Беатриссы Арагонской, вдовы короля Венгрии Матвея Корвина и жены его брата Владислава, печать сохранилась, так как при распечатывании была отрезана от полоски с адресом (рис. 20). С лицевой стороны документа на фоне просвечивающей сквозь бумагу печати хорошо виден конец скрепленной ею бумажной ленточки. Как и на папском бревне, в правом нижнем углу стоит подпись составившего письмо канцелярского служащего. В случае, если письмо писалось на двойном листе бумаги, то при распечатывании пакета печать сохранялась на обороте второго листа. Открытые письма светских государей рассылались с прикладными печатями под бумажной кустодией, которая крепилась на лицевой стороне внизу документа (рис. 22).

Оформление частноправовых актов

Подлинные документы, лишенные знаков аутентификации, принято относить к особому типу актов — *notitia*. В отсутствие развитой системы нотариата ими оформлялись частно-правовые договоры с целью письменно зафиксировать обстоятельства или условия совершения юридического акта. Как правило, они составлялись от имени приобретателя передаваемых прав (покупателя или одаряемого) или от имени третьего лица. Начинались такие акты обычно словами «*Noticia de...*», «*Memoria de...*», «*Breve de...*» или «*Breve memoratorium de...*». Составитель текста — не юрист, а просто грамотный человек, зачастую представитель клира — видел своей задачей описать совершенный ритуал передачи прав или принятия обязательств для памяти. Главным, а часто единственным способом обеспечения сохранности договора были приглашенные свидетели юридического акта, имена которых записывались в тексте грамоты. В будущем, при возникновении спора стороны могли обратиться в суд, пригласив этих же свидетелей, которые, полагаясь на собственную память, должны были подтвердить или опровергнуть правильность совершения ритуала. Письменный документ имел, таким образом, чисто вспомогательное значение и не нес сам по себе юридической силы.

В случае с ранними частными актами довольно сложно отличить подлинный документ от простой копии или от подделки. Списки свидетелей зачастую представляют собой перечни имен. Даже если они оформлены с указанием на личные знаки (*signa manus*), как правило, они полностью выполнены рукой составителя акта. Для определения подлинности дипломатисту приходится сопоставлять дату документа с данными палеографии. Если текст документа записан на несколько десятилетий позднее, чем значится в дате, то перед нами — копия или подделка. Методы дипломатической критики, разработанные в отношении канцелярского делопроизводства и базирующиеся на сопоставлении формуляра и внешнего оформления грамот с аналогичными образцами, вышедшими из той же канцелярии, в отношении древнейших частных актов оказываются малопригодны. Ситуации, когда документ составлялся заинтересованной стороной или ее представителем, — не только на уровне белого отпуска, но и на этапе выработки текста — по всей видимости, превалируют над случаями обращения к независимому посреднику. Особенно когда речь идет о частных пожалованиях в пользу духовных учреждений.

Перечислим критерии аутентичности древнейших частных актов, предложенные составителями ChLA: 1) наличие сохранившейся минуты для данного документа; 2) записи о совершении акта *levatio chartae*

или *traditio cartae*, выражающих волю диспозанта; 3) наличие собственноручных знаков или подписей представителей сторон или свидетелей; 4) документ написан тем же писцом, что и другие документы, признанные аутентичными по первому и второму критерию; 5) писец известен по другим памятникам, например рукописным книгам того же времени, и есть возможность сравнить индивидуальную манеру письма. Недостаточные признаки подлинности: 1) несколько одинаковых по оформлению грамот, написанных одним и тем же писцом, 2) современные грамоте дорсальные пометы, 3) исправления, сделанные по мере составления документа рукой писца — теми же или другими чернилами, 4) наличие такого же по оформлению дубликата, так как до рубежа IX–X вв. не делали подражательных копий.

Минутами, или *нотами* назывались черновики письменных актов (именно от них происходит наименование юриста, ответственного за составление документа, — *нотария*). Изначально такие черновые записи делались на восковых табличках и потому до нашего времени не дошли. Древнейшие минуты сохранились на обороте пергаменных актов в виде краткого определения сути частнопроводного соглашения с перечислением заинтересованных лиц и свидетелей. В связи с распространением бумаги для черновых записей, уже в период развитого нотариата, распространилась практика составления сборников минут, предназначенных для длительного хранения. Наравне с удостоверительной записью нотариуса на документе запись о совершении акта в нотариальных книгах принималась в суде как доказательство достоверности и самого акта, и свидетельствующего о нем письменного документа.

Поскольку акты отображались в минутах в краткой форме, за их сборниками закрепилось название *имбревиатур*. Древнейшим сохранившимся памятником такого рода, а также самым ранним европейским бумажным кодексом является книга имбревиатур генуэзского нотариуса Джованни Скрибы за 1154–1164 гг., содержащая на 163 страницах минуты 1306 актов⁴⁹. Сборники нотариальных минут активно публикуются с начала XX в. и являются замечательным источником для истории социально-экономических отношений, а также просопографии, ономастики, генеалогии, исторического краеведения и микроисторических исследований. Однако они малопригодны для изучения формуляра и правовой терминологии. Разворот из книги имбревиатур феррарского нотариуса Беллино Прегостини за 1484–1486 гг. показывает примерную схему построения такого рода записи: 1) название акта; 2) сокращенная дата с отсылками к предыдущим записям: «В тот же год “одна тысяча ...” и тот же год индикта, тот же день, в том же месте и с вышеуказанными свидетелями»

⁴⁹ Archivio di Stato di Genova. Notai antichi, cartolare 1.

(«*Eisdem millesimo et indictione, die, loco et testibus suprascriptis*»); 3) краткое изложение сути акта; 4) перечисление в столбик ключевых слов или выражений, вводящих в текст дополнительные клаузулы: «Каковых быков обещает выпасать и т.д.» («*Quos boves promisit pascere etc.*»), «Под угрозой штрафа и т.д. ... десять лир маркезанской монетой и т.д.» («*Sub pena etc. libri decem marchesanorum etc.*» — рис. 27).

Переход права осуществлялся в результате некоего ритуала — передачи предмета, символизирующего передаваемый во владение объект недвижимости, или же совершения каких-то жестов или действий (ср. современный обычай передачи ключей при продаже, дарении или сдачи в аренду квартиры, дома или машины). Принятие обязательств также осуществлялось в виде вручения другой стороне некоего предмета (залога), символизирующего данное честное слово (*guadia*), или же в виде совершения некоего жеста (*fides in manu data*) (ср. современный обычай рукопожатия в знак достигнутой договоренности). Таким ритуальным актом, обозначающим переход права или принятие обязательств, могли выступать действия с уже готовой грамотой или с предназначенным для ее изготовления пергаменом (как символом передаваемых прав): поднятие грамоты с земли (*levatio cartae*), возложение ее на алтарь, передача ее второй стороне (*traditio cartae*). Упоминание о совершении такого акта находит выражение в текстах грамот. Нередко в случае *traditio cartae* нотариий выступал посредником, тогда этот факт находит выражение в тексте нотариальной заверки: «*Ego N.N., notarius sacri palatii, tradidi et scripsi*», «*Ego N.N., iudex ac regis missus, scripsi et tradidi*». В случае удостоверения договора несколькими нотариями эти функции могли быть разделены.

В приведенных примерах удостоверительных записей содержатся свидетельства о личном присутствии при совершении акта и собственноручном написании грамоты («*interfui et hanc cartam rogatus scripsi*» — рис. 25), а также о выработке текста договора и о его удостоверении («*complevi et roboravi*» — рис. 26). В раннесредневековых частных актах удостоверительная запись могла содержать указания на сделанные исправления: «написал, прибавив буквы поверх написанного в строке 1 и в строке 7» («*scripsi cum litteras superpositas [д. б. litteris superpositis], qui sunt in verso I et in verso VII fusas [д. б. fuse]*» — рис. 23).

Нотариальные знаки, распространенные в Италии и Южной Франции, воспринимались в северных регионах как аналог печати. До второй половины XII в. они, по-видимому, не всегда имели значение личных знаков, а были знаком корпорации. Первые знаки нотариев, происходящих из одного города, строятся очень похожим образом, порой отличаясь лишь в мелких деталях или не отличаясь вовсе. В случае привлечения свидетеля из числа судей на одном и том же документе можно встретить

идентичные знаки, открывающие собственноручные удостоверительные записи двух разных лиц. Процесс индивидуализации нотариальных знаков шел неодинаково. Пример нотариально заверенной копии XIII в. с послания императора Оттона IV демонстрирует разнообразие знаков и индивидуальных письменных манер пармских нотариев (рис. 2).

Положение нотариального знака чаще всего определялось местом расположения удостоверительной записи, в начале которой знак обычно и ставился — обычно внизу документа (рис. 23, 26). Такое положение свидетельствует о том, что эволюционно нотариальный знак происходит из *signum manus* свидетельских подписей и подписи писца — составителя акта предшествующего периода. Существовали нотариальные традиции, где положение нотариального знака было другим, что, вероятно, скрывает за собой другие пути эволюции. Так, например, в актах ломбардских городов обычно ставилось два одинаковых знака — в начале документа (на месте символической инвокации) и внизу — в начале удостоверительной записи (рис. 25). В актах Феррары знак ставился только вверх, предваряя собой вербальную инвокацию, тогда как удостоверительная запись шла вообще без какого бы то ни было знака. В актах Южной Италии было обычным располагать довольно крупный знак на нижнем поле под удостоверительной записью или в продолжение последней строки текста, сам же документ открывался символической инвокацией в виде креста, либо инициалом. В Генуе существовала традиция, в которой нотариальный знак как таковой отсутствовал, его роль исполняло художественное оформление слова «Ego» и первой буквы имени нотариуса, с которых начинался текст удостоверительной записи.

Формы сохранения и традиции актового материала

Авторы словаря, выпущенного под эгидой Международного комитета по дипломатике (*Vocabulaire international de la diplomatie*. Valencia, 1994) определяют *традицию* как череду состояний, отделяющую ту форму, в которой мы имеем возможность ознакомиться с текстом документа, от той, в какой документ был задуман его автором и был впервые записан в своей окончательной форме. Под окончательной формой имеется в виду готовый и удостоверенный беловой отпуск, понимаемый в качестве оригинала. Существует, однако, другое понимание *подлинника*, или готового

белового отпуску — как современной оригиналу копии; в качестве оригинала при таком определении выступает проект документа, его черновик, нота или минута.

Беловой отпуск, даже будучи полностью подготовлен к окончательному удостоверению, может так и не стать подлинником, будучи кассированным или оставшись неустововеренным. Как пример такой формы бытования документа приведем предварительный вариант союзного договора короля Леона и Кастилии Альфонсо VII с Генуэзской республикой, заключенного с целью совместного военного похода против мавров, закончившегося взятием города Альмерии в 1147 г. Грамота представляет собой обязательство испанской стороны с обещанием короля передачи Генуе трети всех прав и всех территорий на завоеванных землях, в том числе и трети будущих церковных доходов. После основного текста клятвы идет список крупных сеньоров Леона, Кастилии, Каталонии, Галисии, Наварры и Астурии, поклявшихся вместе с королем. Еще ниже названы имена тех, кому еще только предстоит принести клятву. В результате дальнейших переговоров в текст документа, уже подготовленного для скрепления его вислой королевской печатью (внизу на треугольной плике имеются три прорези для шнура), были внесены исправления — главным образом между строк; две пространные вставки вынесены на свободное место ниже основного текста клятвы (рис. 15). Сохранилась вторая редакция грамоты — тоже беловой отпуск, составленный с учетом исправлений, с загнутой плиткой, но без отверстий в ней; в эту редакцию были внесены новые исправления⁵⁰. По сравнению с первоначальным текстом были уточнены сроки выступления в поход, из обозначенных вначале направлений военных действий (Альмерия, другие прибрежные области Испании, Севилья и Тортоза) осталась одна Альмерия. Наибольшие разногласия вызвал пункт о возмещении генуэзцам расходов на поставку ими военных судов и осадных машин. Подлинник грамоты утрачен, его описание и итоговый текст документа сохранились лишь в составе картулярия Генуэзской республики второй половины XIII в., известного как «*Libri Iurium*». Обе грамоты, зафиксировавшие процесс выработки соглашения, хранились до XIX в. в архиве Генуэзской республики, из чего можно заключить, что текст договора был разработан генуэзскими нотариумами.

Самой известной формой традиции актов является их копирование. Копии по внешней форме можно разделить на три вида: 1) *свободными копиями* называются такие документы, которые содержат копию одного-единственного акта; 2) когда на одном листе воспроизведены копии нескольких документов, такие копии называются *сборными*; 3) сборники

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 992 (Собрание иностранных грамот и актов), № 8.

копий на нескольких листах называются *копийными книгами*, или *картуляриями*. По своему юридическому значению копии делятся на простые (*copia simplex*) и удостоверенные (*copia authentica*). Это деление применимо ко всем трем формам копий, однако, несмотря на это, свободные и сборные копии при критическом издании документов нередко выделяются в отдельную группу — вне зависимости от наличия в них нотариальной заверки. Так, в немецкой традиции, идущей от MGH, в критической аппарате *A* — это всегда оригинал (при наличии нескольких подлинных экземпляров их обозначают как *A*¹, *A*² или *A'*, *A''*); *B* — свободная копия или копия в составе сборной копии (как и оригиналов, их может быть несколько, а может не быть вовсе); *копийные книги* начинаются только с литеры *C*.

Простые копии обычно составлялись для внутреннего пользования самим получателем документа и не предполагали предоставления их в суд наравне с подлинником. Простые свободные копии нередко называют *апографами*. Свободные копии, повторяющие внешние особенности оригинала, называются *подражательными*, но чаще всего для них используется французское обозначение — *copie figurée*, употребляемое и в других европейских языках. В немецкой традиции используется также термин *Nachzeichnung*, за которым, впрочем, может скрываться как копия, так и *Scheinoriginal* (*angebliches Original*, *Pseudo-original*) — подражающая оригинальному документу грамота, которая может полностью или в какой-то своей части оказаться подделкой (решение этого вопроса возможно только в результате основательного исследования, и нередко по поводу одного и того же памятника мнения разных специалистов могут различаться). Как правило, подражательные копии (если удастся установить, что это именно копии) относятся к *copia simplex*, не имея какой-либо удостоверительной записи.

Степень подробности при передаче внешних особенностей оригинала может быть различной. В качестве примера очень небрежного воспроизведения, да и то лишь в том, что касается отдельных элементов эсхатокола, — так что ее с большой натяжкой можно отнести к *copie figurée*, приведем копию XII в. с большой привилегии папы Иннокентия II 1132 г., при издании этого акта обозначенную как апограф (рис. 5). В качестве примера добротного воспроизведения канцелярской манеры вплоть до подражания почерку папы можно привести грамоту Урбана II в пользу пикардийского аббатства Saint-Jean-des-Vignes в Суассоне 1089 г., лишь по сопоставлению со большим числом подлинников этого понтифика атрибутированную Й. Дальхаузом как *angebliches Original*⁵¹. Как пример

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 971 (П.П. Дубровский), авт. 59, л. 5 (JL 5391; Dahlhaus, U VII).

очевидной подделки приведем грамоту Вильгельма Завоевателя, составленную в 1150-х гг., вероятно, в аббатстве Селби, воспроизводящую некоторые особенности оформления англо-норманнских королевских посланий (*writ*) второй половины XI в., но совершенно не следующую их формуляру и письму (рис. 14). Тем не менее эта поддельная грамота была принята на веру в канцелярии короля Стефана, подтвердившего дарение короля Вильгельма новой грамотой с практически дословным воспроизведением текста подложного документа. Вполне вероятно, что составители подделки опирались на существующую традицию, имея в своем распоряжении частичную копию с подлинной грамоты Вильгельма того же содержания. Таким образом, будучи подлогом с юридической и дипломатической точки зрения, документ может считаться исторически достоверным свидетельством.

Подражательные копии могли быть составлены и в самой выпускающей канцелярии — по требованию заказчика. В этом случае все подписи будут выполнены рукой одного и того же писца — составителя копии, и о факте составления копии будет сделана соответствующая запись. В качестве примера можно привести грамоту Матильды Тосканской 1100 г. в пользу аббатства Валломброза, переписанную с воспроизведением внешнего оформления священником Фругерием, составителем подлинного документа, неоднократно привлекавшегося графиней с качестве нотариуса и писца⁵². Такого рода документы могут быть с полным правом отнесены к разряду *copia authentica* — вне зависимости от того, для каких целей они были составлены.

Нотариальная копия послания императора Оттона IV 1210 г., составленная в Парме в XIII в. (рис. 2), имеет заглавие — *exemplum*, трижды повторенное составителем копии вдоль верхнего поля и призванное свидетельствовать о том, что перед нами именно копия, а не подлинник (*authenticum*). Семеро нотариусов однотипными записями удостоверяют подлинность оригинала и полное соответствие ему составленной копии. Восьмая запись, воспроизводящая ту же формулу, выполнена составителем копии: «Я, Доннино Пунголино⁵³, нотариус священной палаты, подлинник, с которого снят этот список, видел и прочел, и содержание у него то же самое, что и в этом списке, как сказано выше, и я выступил составителем списка, написал его собственными руками, согласно просьбе, ничего не добавив и не убавив ни в отношении букв, ни в отношении слогов больших или малых» («*Ego Donninus Pungolinus, sacri pallatii notarius, autenticum huius exempli vidi et legi, et sic ibi continebatur, ut in hoc legitur exemplo, ut superius*

⁵² Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 172, № 2 (D MT, 57; Эрм. 166).

⁵³ Прозвище нотариуса, вероятно, происходит от *punga* (карман, сумка).

in eo continetur, proprius manibus rogatus scripsi, nichil addens vel minuens propter litteras vel sillabas plures vel pauciores et exemplatus fui»).

Копии, текст которых включен в текст другого, удостоверяющего их документа, как составная часть его диспозиции, называются *включенными копиями*, или *транссумптами* (*transsumptum*). Сами документы, в составе которых находятся такие копии, обычно называются *видимус* (*vidimus*) — по диспозитивной формуле, свидетельствующей о личном визуальном знакомстве автора с удостоверяемым им документом. Такие грамоты нередко содержат весьма подробные археографические описания, призванные свидетельствовать о подлинности переписанных оригиналов, к настоящему времени зачастую утраченных. В приведенном примере видимуса, составленного от имени официала города Меца в XVI в. (рис. 6), в начальной части диспозитива, предшествующей тексту транссумпта папской привилегии XII в., определяется вид копируемого документа (*litterae apostolicae*), его содержание — удостоверение (*confirmatio, communitio et roboratio*) разного рода дарений (*donationes, concessionones et elargitiones*), совершённых покойным епископом Стефаном Мецским в пользу аббатства Сенон, — и дается описание подлинника с вислой свинцовой печатью на шнуре красного и желтого шелка в соответствии с обычаем папской курии («*bullae plumbeae cum filis sericis rubei croceique coloris more Romanae curiae*»).

К числу включенных копий относятся реновации или повторные издания старинных актов, произведенные спустя десятилетия и даже века в тех же канцеляриях. Именно в таком виде до нас дошли тексты некоторых пергаменных и ранних бумажных документов, пришедших в ветхость. Начиная с рубежа XII–XIII вв. транссумпты, нотариальные копии и повторные издания становятся обычным способом сохранения и передачи текста грамот (в частности, для дальнейшей пересылки их получателем или предъявления в другие инстанции). До этого для полноценной передачи текста использовались простые, незаверенные копии. Удостоверению же официальными лицами подлежали группы грамот, которые переписывались с краткой передачей их содержания. Такого рода документы именуются *панкартами*. Как правило, ими подтверждали различные дарения, совершённые в течение нескольких десятилетий в пользу одного и того же учреждения — без указания дат. От простого перечисления владений (*enumeratio bonorum*) в составе папских и императорских привилегий, которые сами по себе тоже являются одной из форм традиции актового материала, панкарты отличают обязательные упоминания имен дарителей и поименование самих объектов дарения, а не только их места расположения. Нередко панкарты составлялись ради совокупного удостоверения прав, полученных на основании документов, которые к моменту составления панкарты были уже утрачены (*carta de cartis perditis*).

Картулярии чаще всего составлялись получателем для внутреннего пользования и потому не удостоверялись. Приводимые в них копии нередко содержат лакуны в отношении часто повторяющихся формул. Тем не менее сама структура картулярия может служить дополнительным подспорьем историку: документы в них расположены, как правило, тематически или географически (по отдельным местностям или хозяйствам), что позволяет порой восстановить подлинные обстоятельства издания документа, если в самом документе они опущены или заменены общими формулами. Тем не менее встречаются сборники нотариально заверенных копий. В приведенном картулярии графов Лаванья конца XIV в. (рис. 3) воспроизведены знаки аутентификации королевского торжественного послания (монограмма с окружающим ее девизом и выполненная удлиненными литерами королевская подпись), впрочем, без соблюдения порядка их начертания. Каждую копию предваряет нотариальная запись с именем нотариуса-копииста, определением типа документа («*privilegium principis domini Wilermi Dei gratia Romanorum regis semper augusti*»), его описанием («*instrumentum erat in pergameno scriptum*») и описанием вислой печати белого воска, оттиснутого на ней изображения и надписи («*cum sigillo cere albe rotundo pendenti cum imagine regalis sedens super solium et tenens in manu dextra sceptrum, in sinistra pomum rotundum, et circa hec erant littere asserentes* “+ *Willermus Dei gratia Romanorum rex semper augustus*”»). Выделение имени автора с помощью маюскула и окружающего буквы орнамента является художественной особенностью оформления данного картулярия (применительно к королевским грамотам) и не несет никакой дипломатической информации относительно утраченного подлинника. На полях помещены заметки для легкости нахождения материала и фигурные скобки в виде человеческих лиц или «указующих перстов» (*маникул*) — они также не являются частью копируемого документа.

Помимо полнотекстовых копий звеньями традиции средневековых актов могут выступать отсылки и упоминания, сохранившиеся в других документах. Например, разъяснения, сделанные в послании Оттона IV 17 августа 1210 г. (рис. 2) относительно другого его диплома 26 мая 1210 г. о том, «что в привилегии, которую мы пожаловали пармской общине, нет ничего к урону и к ущербу Пармской епархии» («*quod in privilegio, quod indulsumus communi Parmensi, nichil fecimus in dampnum et in preiudicium Parmensis ecclesie*»). В немецкой традиции такие грамоты, упоминания которых обнаруживаются в тексте публикуемых памятников, называются *Vorurkunde* и обычно отмечаются при критическом издании. В случае если такие документы известны лишь по подобным упоминаниям, их относят к *deperdita*. Краткие отсылки подобного рода, равно как и пространные выдержки и даже полнотекстовые копии могут

содержаться в других документальных памятниках, представляющих собой объект интереса отдельных направлений дипломатики и активно издаваемых с XIX в. Разнообразные средневековые подборки выдержек из актового материала составлялись как с образовательными и исследовательскими целями, так и для того, чтобы служить наглядными образцами для работы юристов и нотариев. К их числу относятся письмовники, формулярии, сборники декреталий и пособия по составлению актов, получившие название *ars dictandi*.

Кроме того, средневековые акты (вне зависимости от того, были они оформлены грамотой или нет) записывались в разного рода *регистры* (лат. *regesta*), получившие в зависимости от их природы разные названия. Дарения частных лиц в пользу духовных учреждений находят упоминания в текстах поминальных (вкладных) книг (лат. *obituarium*). Пожалования церковных доходов могут встретиться в кратком виде в регистрах церковных бенефициев, или полиптихах (лат. *polyptychum*, *pulegium*, *poletum*; фр. *pouillé*). Частноправовые договоры о передаче тех или иных прав на условиях держания на правах феода могут найти краткое отражение в свитках феодалов (фр. *rôles des fiefs*, *livre des vassaux*), договоры об оформлении держания на правах выплаты ценза могут быть скупой отмечены в переписях крупных домениальных владений. *Папские регистры* представляли собой сборники копий наиболее значимых для курии исходящих документов, или тех, чье копирование в регистр было дополнительно оплачено получателем грамоты — для уверенности в возможности ее восстановления в будущем. Непрерывная серия регистров начинается с 1198 г., от прежнего периода до нас дошли лишь отдельные фрагменты. Со времени открытия для исследователей Ватиканского архива в 1880 г. Ватиканские и Авиньонские регистры выдержали не одну публикацию: сначала в виде регест с пространными цитатами в изданиях Французской школы в Риме конца XIX — первой половины XX в., затем — на CD-дисках в виде цифровых копий, наконец — в виде он-лайн базы данных «*Ut per litteras apostolicas...*», доступной исключительно по подписке.

Еще одним видом материалов, сохранивших до наших дней средневековые памятники, являются позднейшие копии XVI–XIX вв., составленные исследователями-эрудитами или выполненные по заказу профессиональных историков в самих архивах. В приводимом примере (рис. 10) показана страница из четырех томов выписок, снятых с Ватиканских регистров по заказу историка и государственного деятеля А. И. Тургенева после его посещения Рима в 1825 г. Эти выписки были положены в основу первого издания актов, осуществленного Императорской Археографической комиссией и по аналогии с MGH названного «*Historiae Russiae Monumenta*» (Petropoli, 1841–1842). Текст каждого документа был пере-

писан отдельно, снабжен штампом или сургучной печатью Ватиканского архива и подписью его префекта, графа Марино Марини. Каждый документ был датирован в соответствии с современным стилем (в нашем случае 1245 г. указан неверно), после чего копии были разложены по хронологии, но на полях были отмечены номера документов в томах регистров («*Anno III, epistola 481*»). Порядок отображения протокола следует порядку регистрационной записи, а не тому, который был принят в папских посланиях XII–XIII вв.: инскрипция без салютации, интитуляция, данный писцом-регистратором заголовок (ср. рис. 7, 8, 9). Поздние, или, как их еще называют, *эрудитские копии* не преследовали цели сообщить о юридической достоверности акта. Нередко в них встречаются досадные лакуны и неверные датировки. Но именно в них до нашего времени сохранились многие памятники, не имевшие средневековых копий, подлинники которых в последующий период были также утрачены.

Рекомендации по начальной работе с актовым материалом

Начальный этап работы с дипломатическим памятником имеет целью его предварительную атрибуцию. В результате внимательного разглядывания памятника, попыток прочесть первые строки или те места, которые первыми привлекли внимание (будучи специально выделены для этой цели их создателями), исследователь должен хотя бы примерно ответить на следующие вопросы: к какому виду актового материала принадлежит документ, от чьего лица он составлен, кому и по какому поводу адресован, когда издан.

Описание любого рукописного документа обязательно включает в себя определение материала письма, числа листов, их размеров, степени их сохранности. При указании размеров акта, в отличие от рукописных книг, первым указывается ширина листа, затем — его высота (если не оговорено иное). В случае, если это бумага, необходимо отметить наличие или отсутствие филигранных. При наличии обложки или переплета, следует отдельно описать и датировать их (переплет может быть позднейшим). Необходимо отметить наличие печати или — в случае ее отсутствия — наличие и степень сохранности шнура, пергаменных ленточек или ниток, на которых она держалась, отверстий для ее крепления или следов воско-мастичной массы — в случае утраты прикладной печати.

Чтение и транскрибирование составляет базу любого дипломатического исследования. Для работы с новым материалом даже опытному исследователю могут потребоваться 1) пособия по палеографии, 2) словари сокращений, 3) пособия по средневековой латыни и словари, в том числе и словари региональной латыни. Уже на этапе составления транскрипции необходимо начать подбор сравнительного материала. Это поможет определить сферу применения отдельных формул, выявить некоторые их возможные источники, а также определить в тексте документа цитаты из богослужебных книг или отцов Церкви. Поисковые системы Интернета сильно упростили такого рода задачу, но наиболее плодотворно будет опираться на издания документов, относящихся к тому же типу, периоду и региону. Сравнительный материал важен для понимания акта и его структуры, для выявления его дипломатической специфики, но также может иметь техническое значение — для прочтения трудных мест, разбора неучтенной словарями специфической лексики и нетипичных сокращений, для восстановления текста из-за плохой сохранности документа, допущенных писцом ошибок или сокращений в передаче формул.

Для понимания формуляра на первых этапах будет полезен перевод, но также отметим важность составления аннотации. Это позволит молодому исследователю, во-первых, определить юридическую природу акта, отделить содержащуюся в документе историческую информацию от информации дипломатической (формул и их отдельных частей). Во-вторых, составление аннотации сразу высветит то, что нуждается в проверке, уточнении или может стать предметом внутренней критики: датировка, локализация, атрибуция тому или иному лицу, правильная идентификация топонимов и имен собственных. Как и транскрибирование документа, составление к нему полноценной аннотации, особенно поначалу, может представлять собой довольно длительный процесс, требующий постоянного возвращения к транскрипции и ее пересмотра исходя из новых данных.

Для уточнения датировки и перевода даты в современную систему летоисчисления следует учитывать различные способы датирования документов, разные стили времяисчисления. Здесь пригодятся пособия по исторической хронологии для выяснения использованного стиля новолетия, счета индиктов или годов царствования, пасхальные таблицы для определения времени Пасхи, вечный календарь для определения даты по дню недели, списки общих и местночтимых святых с днями их поминовений, пособия по литургике — для определения отрывков песнопений и соотнесения их с днями богослужебного цикла.

Идентификация латинских топонимов при первом приближении — в том, что касается крупных населенных пунктов, известных монастырей, центров церковных провинций, может быть осуществлена с помощью по-

собия «Orbis latinus» (Braunschweig, 1972). Для более мелких географических пунктов следует использовать: 1) специальные географические словари отдельных регионов (если таковые в отношении данной местности существуют), 2) справочники и исследования по локальной исторической географии и историческому краеведению, 3) атласы и карты (весьма полезны оказываются в ряде случаев составленные эрудитами атласы XVII–XVIII вв.), 4) издания других исторических документов этого региона: картуляриев, списков феодов, поминальных книг, регистров церковных бенефициев. Для идентификации церковных учреждений отправной точкой может служить справочник L. H. Cottineau (Macon, 1935–1939), а также издания серии «Germania Sacra» и публикации в рамках проекта *Pius Stiftung*. Полезно на основе современных спутниковых карт составить карту всех выявленных в документе топонимов.

Для идентификации исторических лиц могут потребоваться пособия по исторической хронологии с перечнями властителей и генеалогические справочники по отдельным регионам. В отношении частных лиц, не принадлежащих к числу высшей аристократии, а также для уточнения написания имен собственных придется провести отдельное просопографическое исследование, воспользовавшись историческим материалом из того же региона (сборники актов, издания картуляриев, нотариальных минут, списки феодов, поминальные книги).

Для подготовки текста грамоты к публикации можно воспользоваться рекомендациями Французской Школы хартий (Conseils pour l'édition des textes médiévaux. Paris, 2009), тем не менее следует иметь в виду некоторые особенности французской археографической традиции, расходящиеся с немецкой. Последняя обычно принимается в нашей стране за основу в отношении передачи в тексте издания рукописных буквенных форм (например, факультативных написаний *u/v*, *uu/vv/w*, *i/j*) и расстановки знаков пунктуации в тексте латиноязычных источников.

Рекомендованная литература

Акты Кремоны X–XIII вв. / Сост. С. А. Аннинский, под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. М.; Л., 1937.

Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии наук СССР / Под ред. В. И. Рутенбурга и Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961.

Антонец Е. В. Введение в римскую палеографию. М., 2009.

Бернадская Е. В. Феррара и ее сельский округ (По книге нотария Беллино Прегостини) // Итальянские коммуны XIV–XV веков: Сборник документов из Архива ЛОИИ АН СССР / Под ред. В. И. Рутенбурга. М.; Л., 1965. С. 237–350.

«Звучат лишь письмена...» К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки С.-Петербург, Государственный Эрмитаж, 2012. (далее — Эрм.)

Кашианов С. М. Дипломатика // Православная энциклопедия. Т. XV. С. 381–389.

Лихачев Н. П. Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреве (Этюд по дипломатике пап). СПб., 1906.

Мажуга В. И. Древнейшие грамоты епископов и князей Священной Римской империи в собрании Санкт-Петербургского филиала Института российской истории // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVII. СПб., 2000. С. 273–293.

Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики: Частно-правовой акт. Л.: Наука, 1983.

Срединская Н. Б. Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М.: Индрик, 2017.

Actes des congrès de la Commission internationale de diplomatique: <http://elec.enc.sorbonne.fr/cid/>

Conseils pour l'édition des textes médiévaux. Fasc. II: Actes et documents d'archives / Éd. par O. Guyotjeannin. Paris, 2009.

Пособия по дипломатике

Лихачев Н. П. Дипломатика. Из лекций по сфрагистике. СПб., 2001.

Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. 2. Aufl., Bde I–II. Berlin; Leipzig, 1912–1931; 4. Aufl., Bde I–III. Berlin: W. de Gruyter, 1960–1969.

Boüard A. de. Manuel de diplomatique française et pontificale. T. I. Diplomatie générale. Paris, 1929; T. II. L'Acte privé. Paris, 1948.

Diplomatique médiévale. [Краткое пособие по дипломатике Французской национальной Школы хартий]: <http://theleme.enc.sorbonne.fr/cours/diplomatique>

Dossiers documentaires proposés par l'École nationale des Chartes [on-line практикум на материалах коллекции факсимиле Французской национальной Школы хартий XIX в.]: <http://theleme.enc.sorbonne.fr/dossiers/>

Giry A. Manuel de diplomatique. Nouv. éd.: Paris, 1925. 2 vol.; Genève, 1975 (Fac-sim. de l'éd. de Paris, 1894).

Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M. Diplomatique médiévale. Turnhout: Brepols, 1993; 3e éd. augmentée: Turnhout: Brepols, 2006 (*L'atelier du médiéviste*, 2).

Paoli C. Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatica. Vol. III. Diplomatica. Firenze, 1898.

Pratesi A. Genesi e forme del documento medievale. Roma, 1979.

Reading old documents [on-line практикум на сайте Национального архива Великобритании]: <http://www.nationalarchives.gov.uk/help-with-your-research/reading-old-documents/>

Steffens Fr. Lateinische Paläografie. 2., vermehrte Auflage. Trier 1909; Éd. française: *Steffens Fr.* Paléographie latine. Paris, 1910; on-line практикум на основе таблиц Фр. Штеффенса: <http://www.paleography.unifr.ch/schrifttafeln.htm>

Словари и справочники

Cappelli A. Cronologia, cronografia e calendario perpetuo. Milano, 2012.

Cappelli A. Dizionario di abbreviature latine ed italiane. Milano, 2011; on-line версия: <http://www.hist.msu.ru/Departments/Medieval/Cappelli/index.html>

Cottineau L. H. Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés. Vol. I–II. Macon, 1935–1939.

Graesse J. G. Th., Benedikt Fr., Plecht H. Orbis Latinus: Lexicon lateinischer geographischer Namen des Mittelalters und der Neuzeit. Großausgabe. Bde I–III. Braunschweig, 1972; on-line версия: <https://www.bayerische-landesbibliothek-online.de/orbis-latinus>

Vocabulaire international de la diplomatique / Éd. par M.M. Carcel Orti. Valencia, 1994. 2e éd. revue: 1997; on-line версия: <http://www.cei.lmu.de/VID/>

Vocabulaire international de la sigillographie: recommandations pour l'établissement de notices descriptives de sceaux / Sous la dir. de St. Ricci et R.-H. Bautier. Rome, 1990.

**Базы данных, крупные on-line публикации
и коллекции изображений**

Abbildungsverzeichnis der europäischen Kaiser- und Königsurkunden:
<http://www.hgw-online.net/abbildungsverzeichnis/>

Chartae Galliae. Base de données consacrée aux actes écrits relatifs à la France (dans ses frontières actuelles) jusqu'à la fin du XIIIe siècle: <http://www.cn-telma.fr/chartae-galliae>.

Chartae Latinae Antiquiores. Die Datenbank: http://www.urs-graf-verlag.com/index.php?funktion=chla_suche

Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France. Base de données organisée par l'Atelier de recherches sur les textes médiévaux (ARTEM) de Nancy: <http://www.cn-telma.fr/originaux/listechartes/>

Codice diplomatico della Lombardia medievale (secoli VIII–XII): <http://www.lombardiabeniculturali.it/cdlm/progetto/>

Diplomata Belgica. Les sources diplomatiques des Pays-Bas méridionaux au Moyen Âge: http://www.diplomata-belgica.be/colophon_en.html

Florilège – Grands documents de l'Histoire de France. Base de données ARCHIM: http://www.culture.gouv.fr/documentation/archim/exposition_florilege.htm

Kaiserurkunden in Abbildungen: <http://geschichte.digitale-sammlungen.de/kaiserurkunden/online/angebot>

Lichtbildarchiv älterer Originalurkunden, Marburg: <http://lba.hist.uni-marburg.de/lba/>

Monasterium.Net: <http://monasterium.net/mom/fonds>

Monumenta Germaniae Historica: <http://www.dmgh.de/>

Regesta Imperii: <http://www.regesta-imperii.de>

Répertoire des cartulaires médiévaux et modernes. Base de données, dédiée aux cartulaires manuscrits, principalement la France et la Belgique: <http://www.cn-telma.fr/cartulR/index/>

Иллюстрации

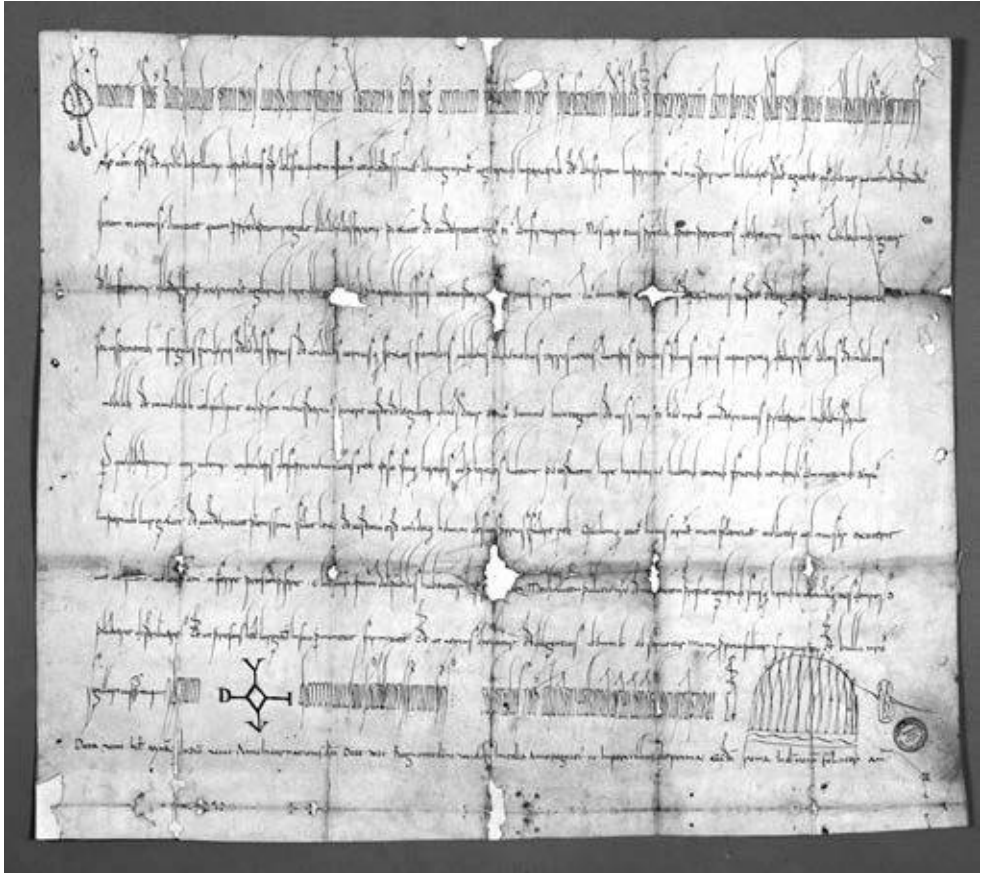

Рис. 1. Диплом Гвидо Сполетского, императора Запада, 21 февраля 891 г., подтверждающий права императрицы Агельтруды на монастырь Св. Агаты в Павии (RI I, 3, 2, п. 902; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 243, № 33; Эрм. 165). Пергамен. Плика отогнута, три двойных прокола: вислая печать на шнуре утрачена. Утраты на сгибах, восполненные при реставрации

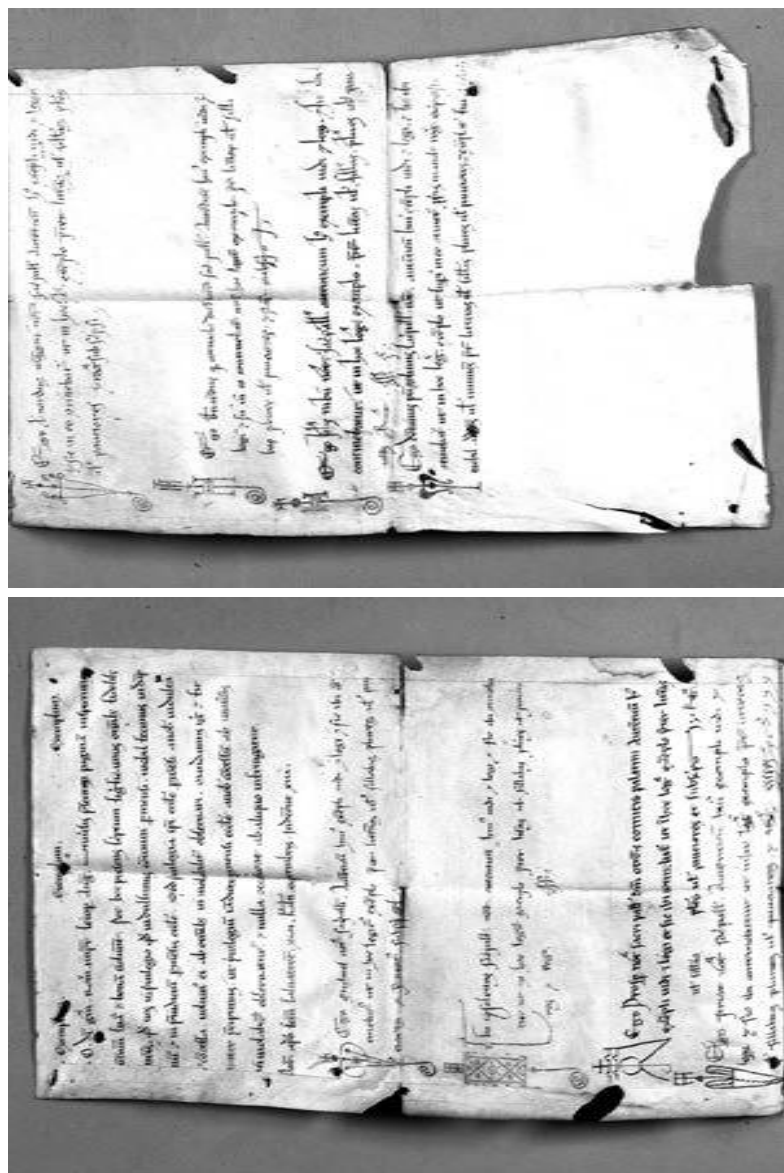

Рис. 2. Нотариальная копия (exemplum) XIII в. с послания императора Оттона IV 17 августа 1210 г. с разъяснением о том, что его привилегия в пользу городской общины Пармы (26 мая 1210 г.; RI V, 1, 1, п. 407) не умаляет прав Пармской церкви (RI V, 1, 1, п. 432; Архив СПбИИ РАН, ЗЭС. Карт. 459, № 4; Эрм. 169). Пергамен. По краям — мелкие пятна ржавчины от крепления документа с помощью металлических булавок в прежнем месте хранения, разрывы и повреждения биологического характера (книжный червь? мыши?). Следы горизонтальной и вертикальной линовки

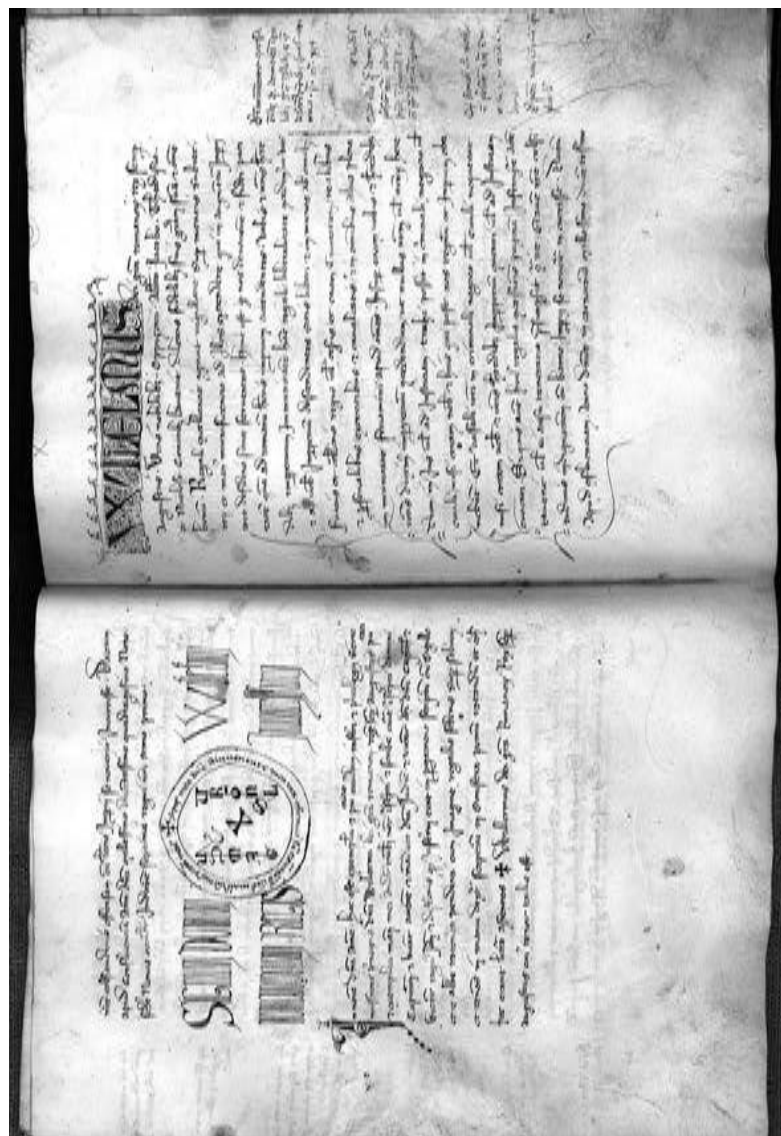

Рис. 3. Страницы картулярия графов Лаванья (Фьески) конца XIV в. с копиями торжественных посланий немецкого (анти-)короля Вильгельма Голландского 6 октября (конец — D W, 96; RI V, 1, 2, п. 4985 (под 4 сентября, по копии XVII в.)) и 2 октября — D W, 98; RI V, 1, 2, п. 4986) о возведении старшего по рождению из графской семьи в достоинство пфальцграфа и о предоставлении представителям семьи Фьески ряда иммунитетных прав (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 137, № 1. Л. 4v-5; публикуется впервые). Пергамен. Обтянутый кожей деревянный переплет с медными застёжками

Рис. 4. Большая привилегия папы Иннокентия II 25 мая 1133 г. Возведение епископа Генуи в сан архиепископа, пожалование ему паллиума и сопряженных с новым саном доходов (JL 7620; ОР РНБ. Ф. 992, № 7; воспр. по фотографии 1963 г. из фонда Е. Ч. Скржинской: Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Ф. 14. Д. (154)).

Пергамен, вислая печать утрачена; остатки шелкового шнура (в настоящее время утрачены в ходе реставрации по распрямлению пергамена)

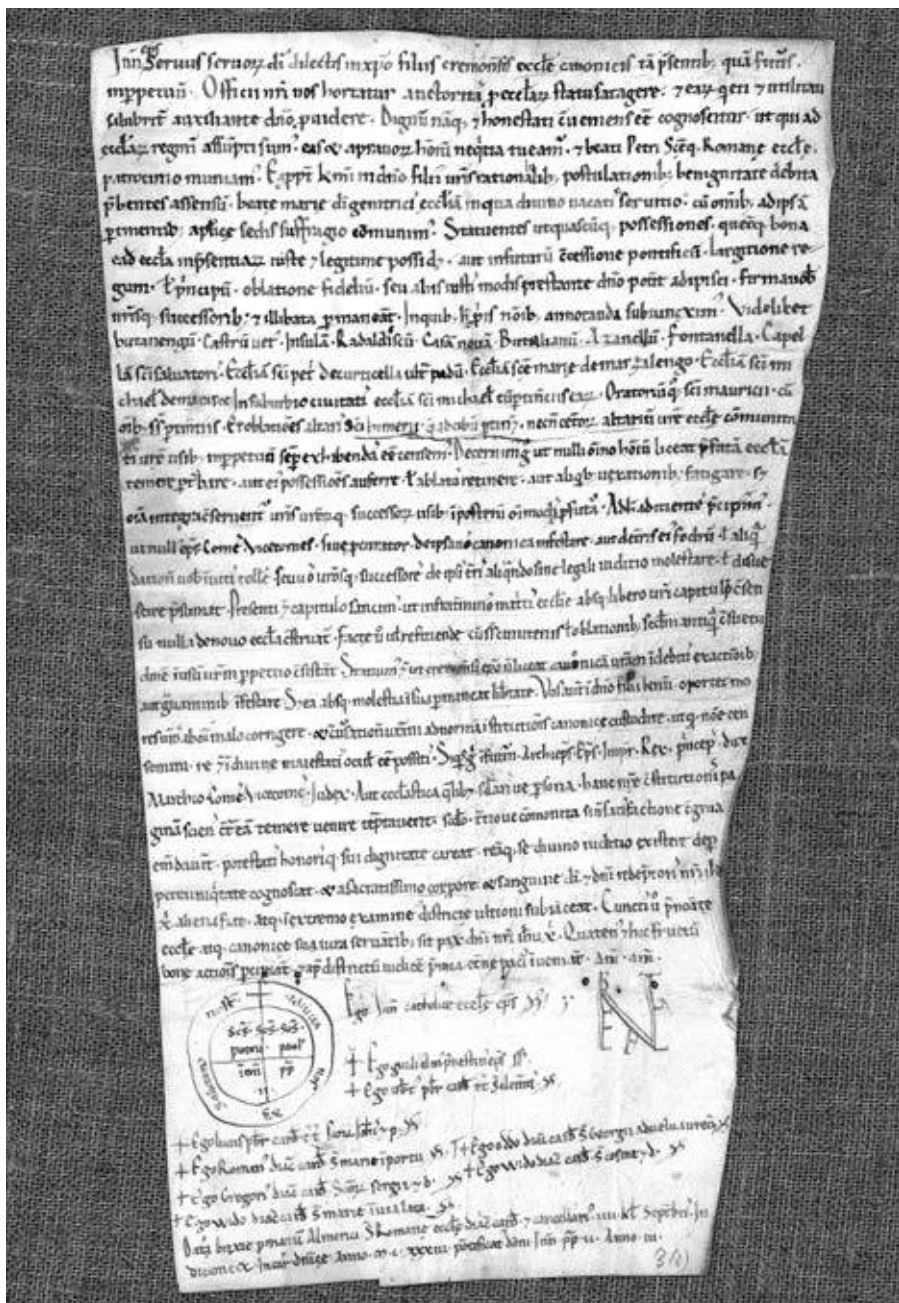

Рис. 5. Подражательная копия (*copie figurée*) XII в. с большой привилегии папы Иннокентия II 29 августа 1132 г. в пользу кафедрального капитула Кремоны (JL 7592; Акты Кремоны, 1937. № 21; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 121, № 4). Пергамен. Какая-либо валидация копии отсутствует

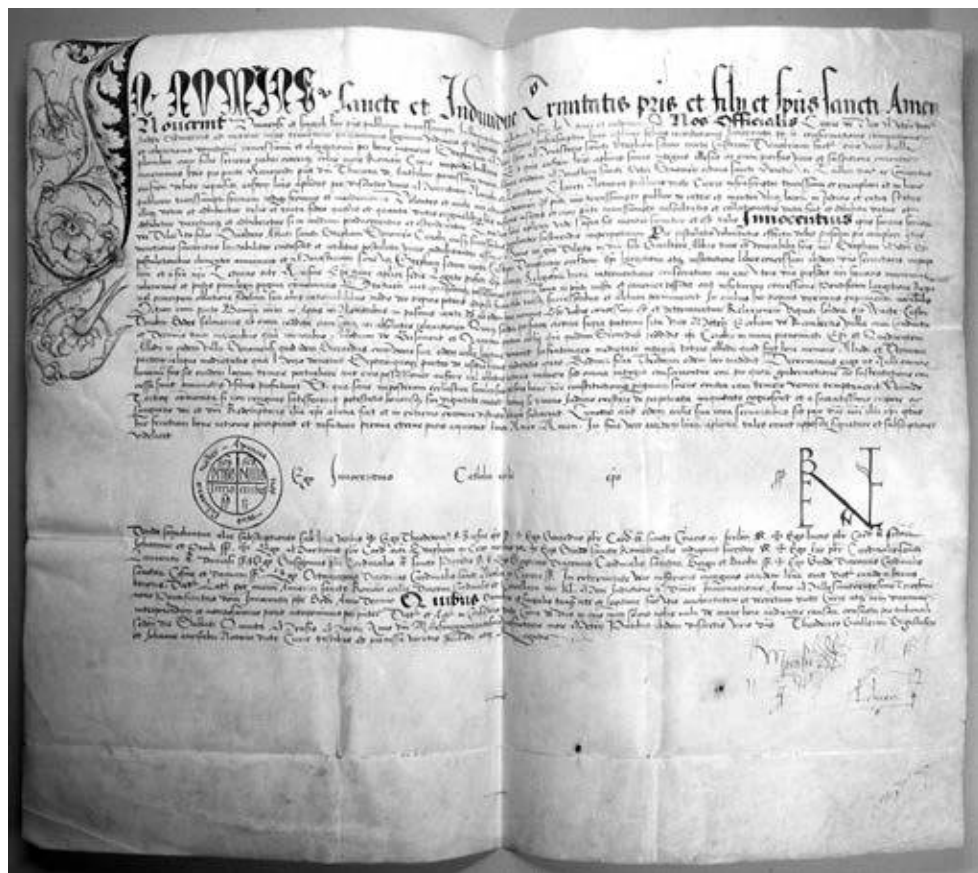

Рис. 6. Включенная копия или транссупмт (*transsumptum*) — видимус (*vidimus*), составленный официалом Меца в 1523 г. с большой привилегии Иннокентия II 28 апреля 1139 г. в пользу лотарингского монастыря Senones (JL 8023; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 501, № 2). Пергамен. Плика отогнута, двойная прорезь посередине: вислая печать на пергаменной ленточке утрачена

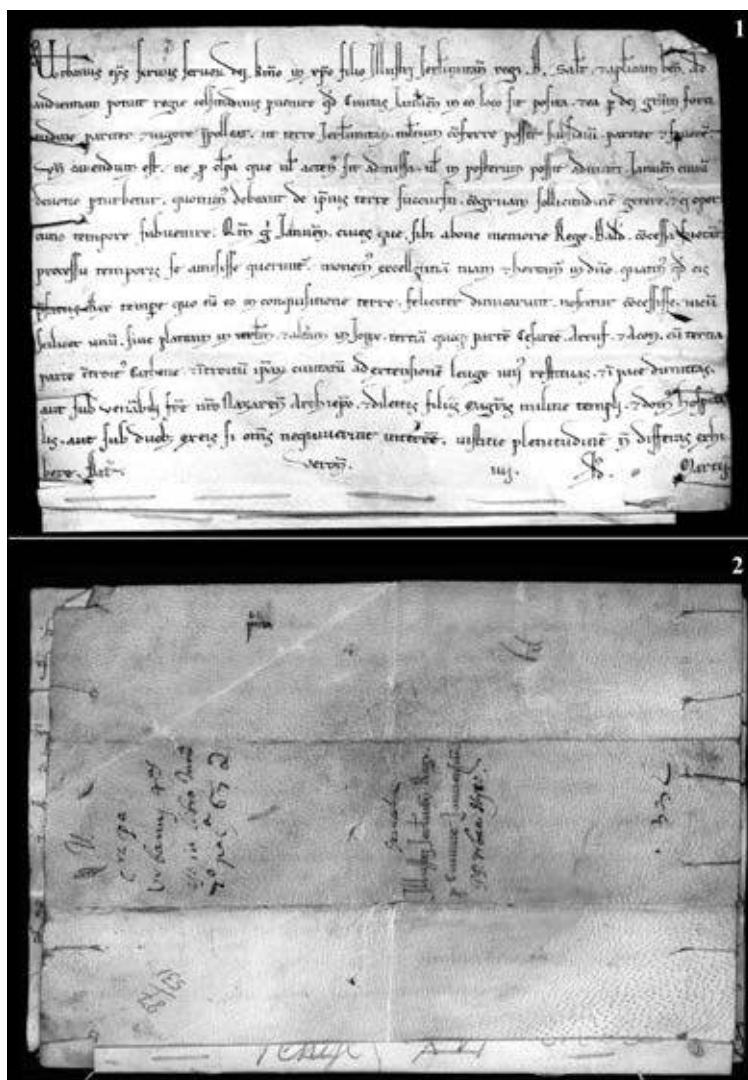

Рис. 7. Закрытое послание (*litterae clausae*) папы Урбана III 12 марта (1186 г.) к королю Иерусалима Балдуину V с требованием восстановить права и владения, пожалованные коммуне Генуи королем Иерусалимским Балдуином I, (JL 15549; RI IV, 4, 4, 3, п. 78 (по копии 1253 г.); Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 137, № 6). Пергамен, вислая печать утрачена; разрезы по краю пергамена, три отверстия шилом вдоль срединной линии сгиба — следы «обеззараживания» сложенного пакета во время эпидемии. 1 — лицевая сторона, нитки, прикрепляющие документ к двум другим посланиям Урбана III (XIX в.); 2 — обратная сторона пакета с адресом, архивными пометами XVI–XVII вв. и номером страницы с копией послания в картулярии Генуэзской республики «*Libri Jurium*»

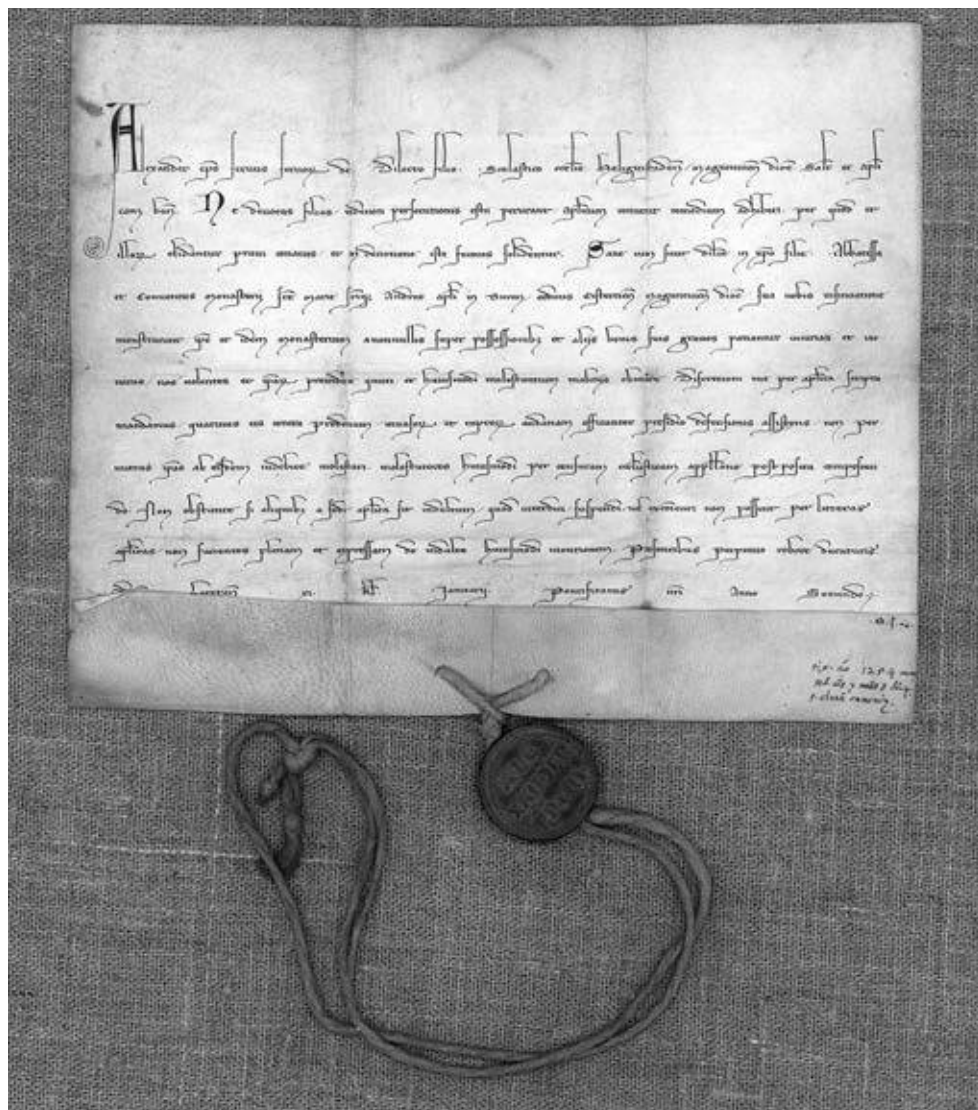

Рис. 8. Послание с печатью на пеньковой веревочке (*litterae cum filo canapis*) папы Александра IV 22 декабря 1255 г. к главе церковной школы (*scholasticus*) города Хайлигенштадта с приказом обеспечить сохранность прав и владений цистерцианской обители Веуген Майнского диоцеза (Р –; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 502, № 17; публикуется впервые). Пергамен, вислая свинцовая печать; подпись писца у верхнего края плики справа; позднейшая архивная помета в правом нижнем углу поверх плики

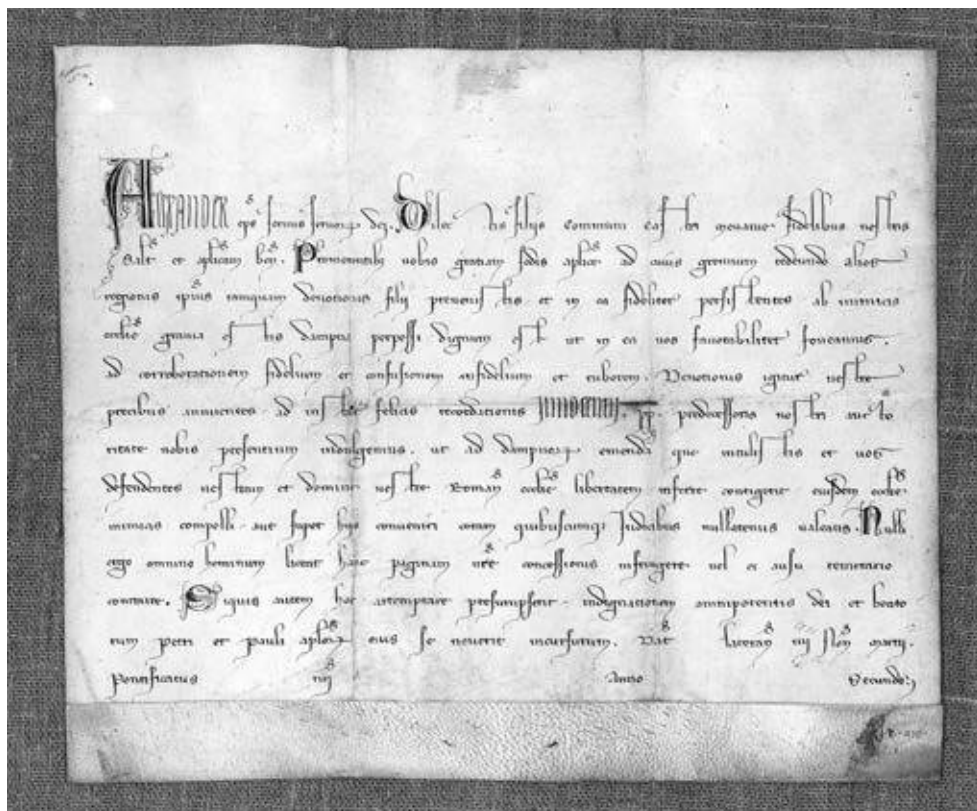

Рис. 9. Послание с печатью на шелковом шнуре (*litterae cum serico*) папы Александра IV 4 марта 1256 г. к коммуне города Bevagnia с возобновлением иммунитетных прав, пожалованных Иннокентием IV в возмещение ущерба, понесенного от врагов Церкви

(Р –; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 502, № 19; публикуется впервые).
Пергамен, вислая печать утрачена; подпись писца на плике в правом нижнем углу, стертая помета о необходимости внести корректуру у верхнего края

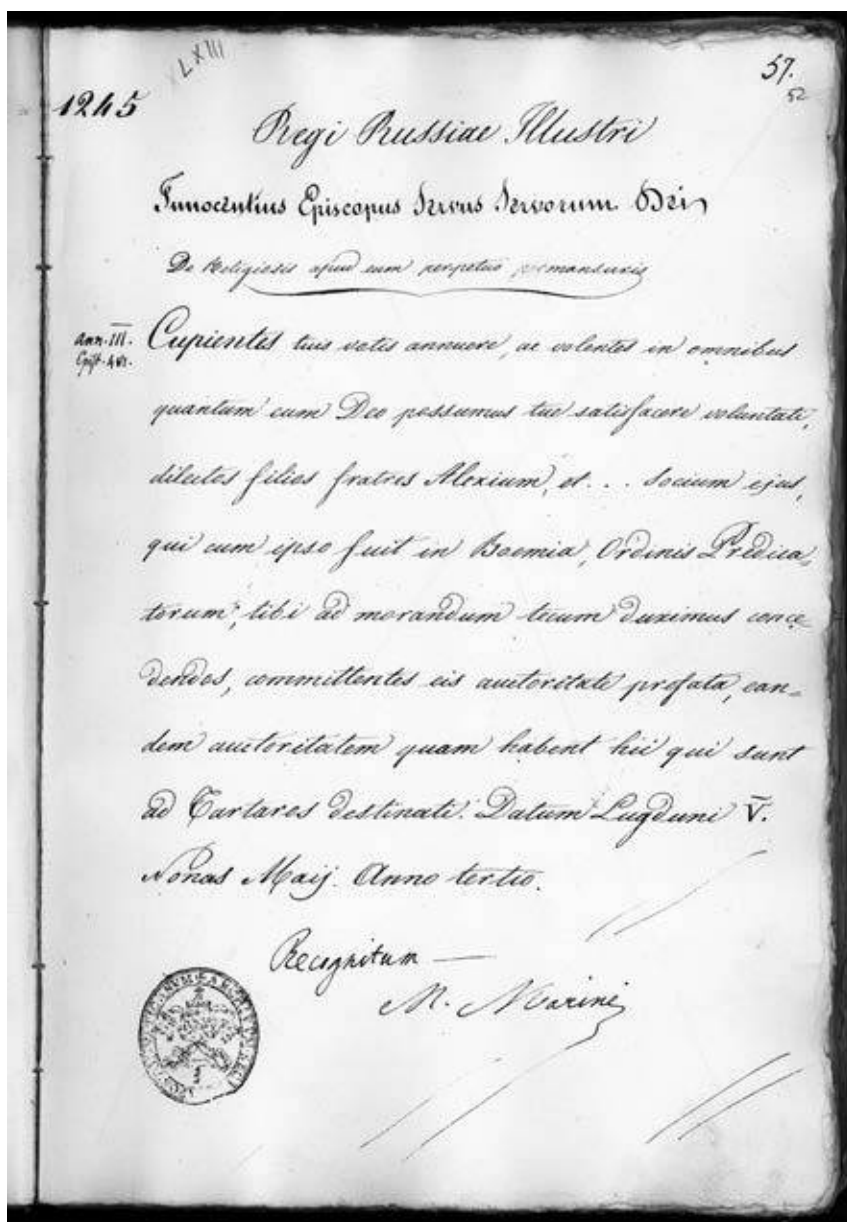

Рис. 10. Послание с печатью на пеньковой веревочке (*litterae cum filo canapis*) Иннокентия IV к князю Даниилу Романовичу Галицкому о приезде двух братьев-доминиканцев 3 мая 1246 г. (Р 12095). Копия, снятая с Ватиканских регистров и заверенная префектом Ватиканского архива Марино Марини по заказу А. И. Тургенева, 1830-е гг. (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 696, № 1. Л. 52). Бумага

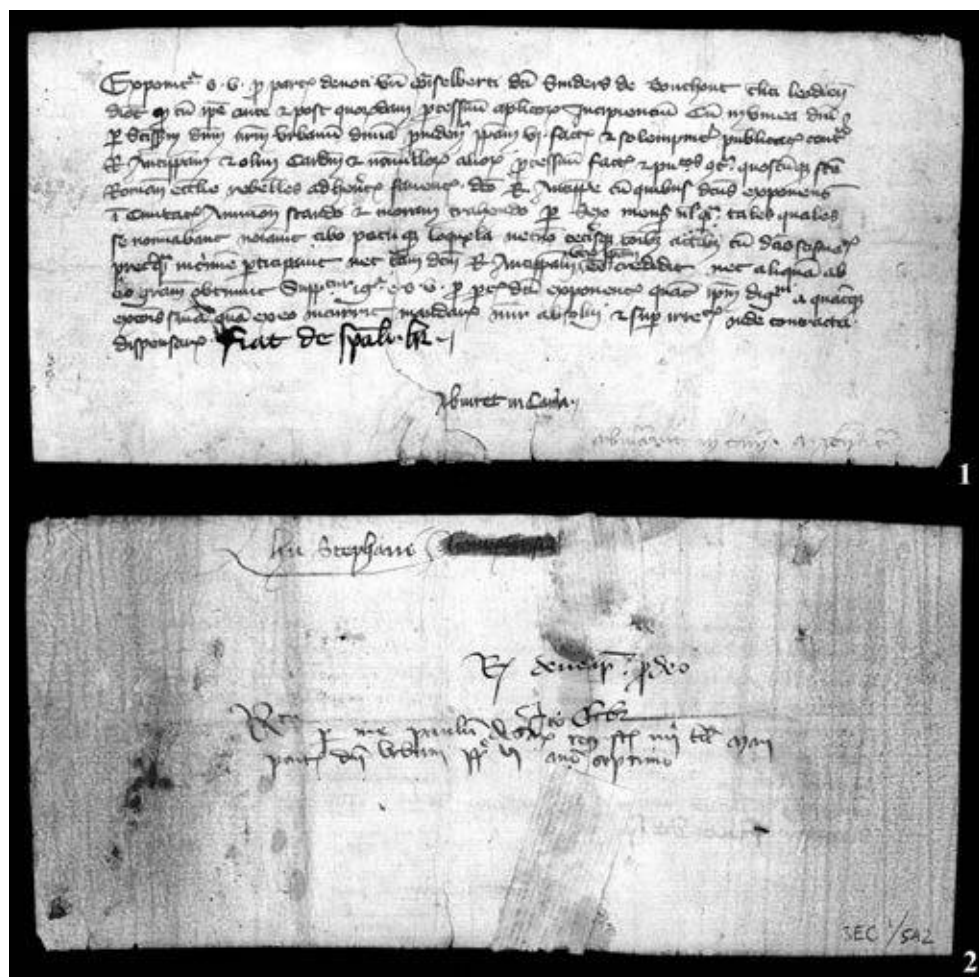

Рис. 11. Прошение (*supplica*) на имя папы Урбана IV 28 апреля 1384 г. (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 542, № 1; Эрм. 177). Бумага. 1 — лицевая сторона с папской резолюцией, пометами вице-канцлера и пенитенциария; 2 — оборотная сторона: имя составителя супплики — писца-петенциария (?) в двух вариантах написания, один из которых зачеркнут; помета «*gesire*» с просьбой принять документ к регистрации *pro Deo*, т. е. бесплатно; запись регистратора супплик с датой; следы реставрации XIX в. (?); современный архивный шифр в правом нижнем углу

Рис. 12. Бreve *sub annulo piscatoris* папы Павла V французскому королю Людовику XIII 13 сентября 1619 г. по поводу конфликта городской общины Авиньона с подчиненным королю городом Noves (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 530, № 19; публикуется впервые). Пергамен. Печать рыбаля, окруженная витой веревочкой; металлическая кустодия на печать; пергаменная кустодия.

1 — бревно в раскрытом виде, двенадцать прорезей и фрагмент пергаменной ленточки, запечатывавшей пакет; 2 — бревно в закрытом виде со стороны печати с раскрытой пергаменной кустодией, прикрывавшей пакет снаружи; 3 — бревно в закрытом виде со стороны адреса, пергаменная кустодия заправлена за пакет

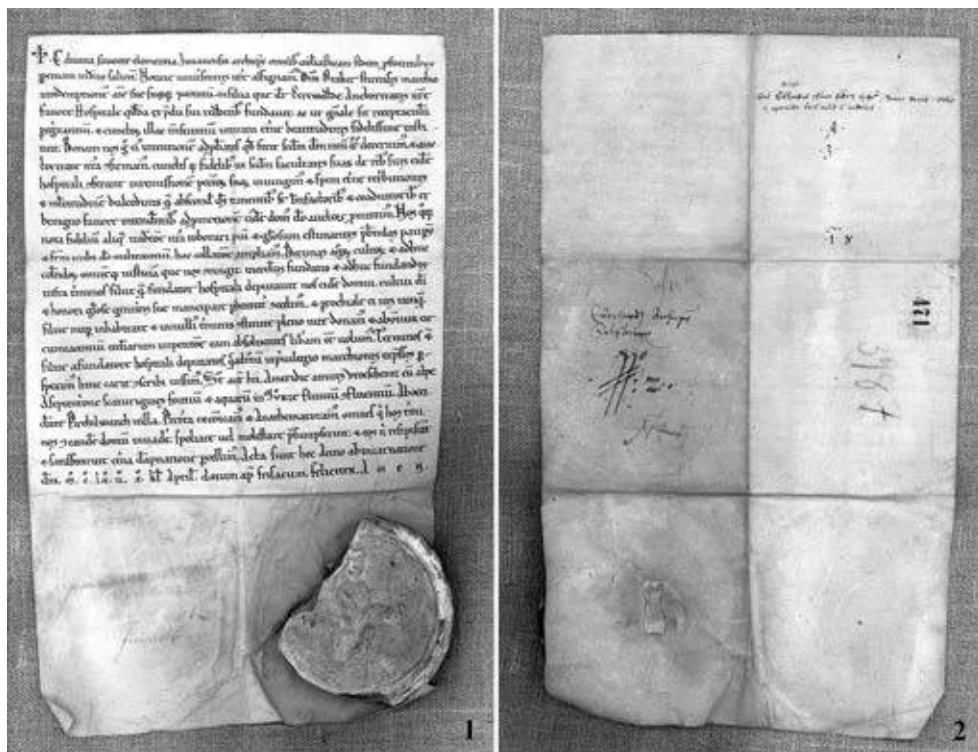

Рис. 13. Грамота Эберхарда, епископа Зальцбургского, 23 марта 1162 г., удостоверяющая основание госпиталя у альпийского перевала Semmering Оттокар V, маркграфом Штирии (Мажуга, № 3; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 388, № 4). Пергамен, прикладная восковая печать повреждена.

На оборотной стороне в нижней части слева видна продетая сквозь лист пергаменная ленточка, к которой прикреплена печать; позднейшие архивные пометы и два номера аукционных лотов «471» и «3987» (XIX — начало XX в.)

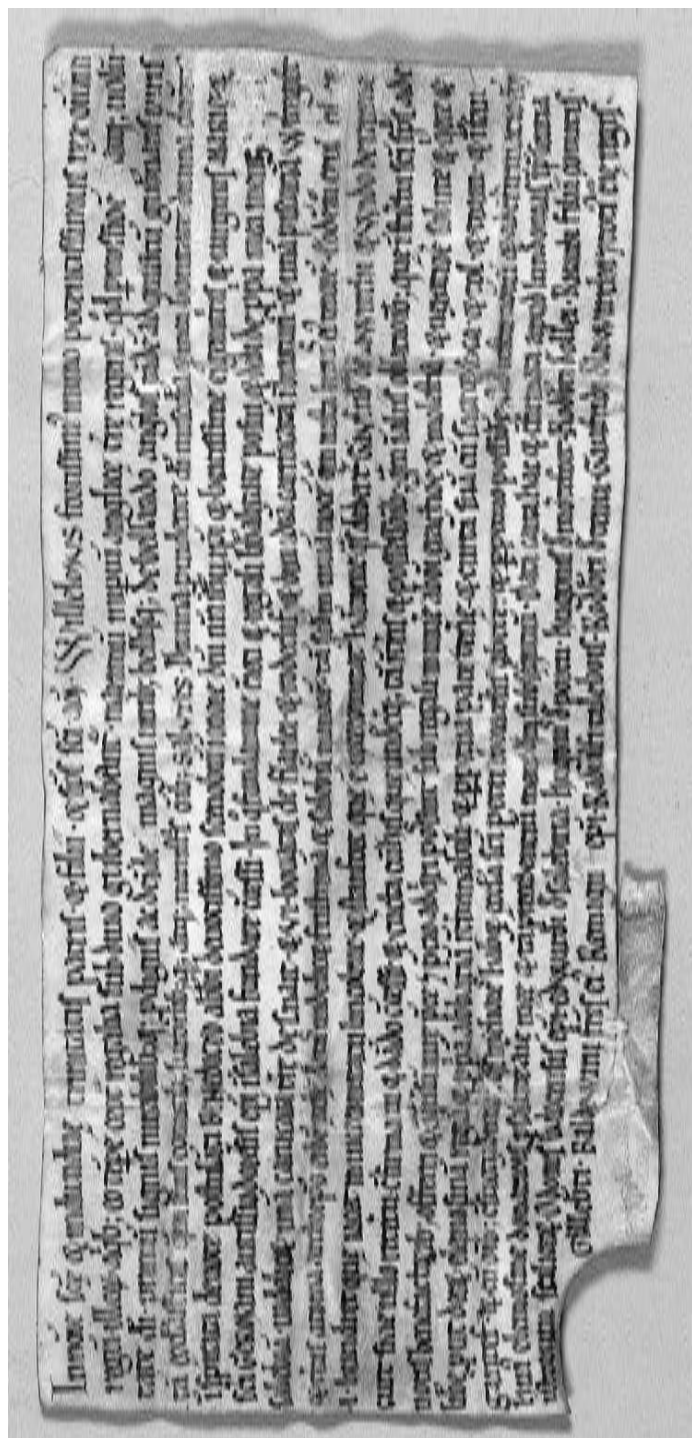

Рис. 14. Поддельная грамота Вильгельма Завоевателя в пользу йоркширского аббата Selbu, составленная в середине 1150-х гг. (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 381, № 1; Эм. 167). Пергамен. Вислая печать на пергаменном языке утрачена; следы красной воскомастичной массы; язычок укреплен нитками. В левом нижнем углу — технологическое повреждение пергамента

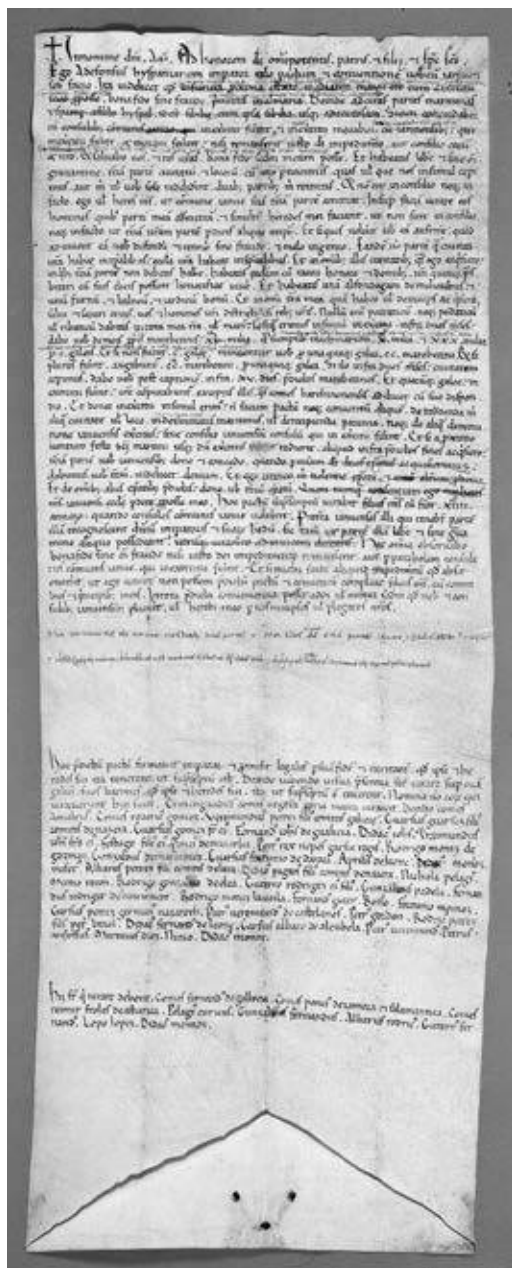

Рис. 15. Союзный договор Альфонсо VII, короля Леона и Кастилии, с Генуэзской республикой (1146 г.). Обязательства испанской стороны, первая редакция (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 290, № 17; Эрм. 168). Пергамен. Треугольная плика, ромбовидные прорезы для вислой печати. Исправления и вставки более мелким письмом

Рис. 16. Послание с печатью зеленого воска (*lettre scellée de cire verte*) короля Франции Филиппа III аббатиссе и конвенту нормандского монастыря Sainte-Trinité-de-Caen, июль 1273 г. (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 327, № 26; Эрм. 171). Пергамен, фрагмент вислой восковой печати с контр-оттиском на шелковом шнуре из красных и зеленых нитей.

На полях — помета архивиста XVIII в.

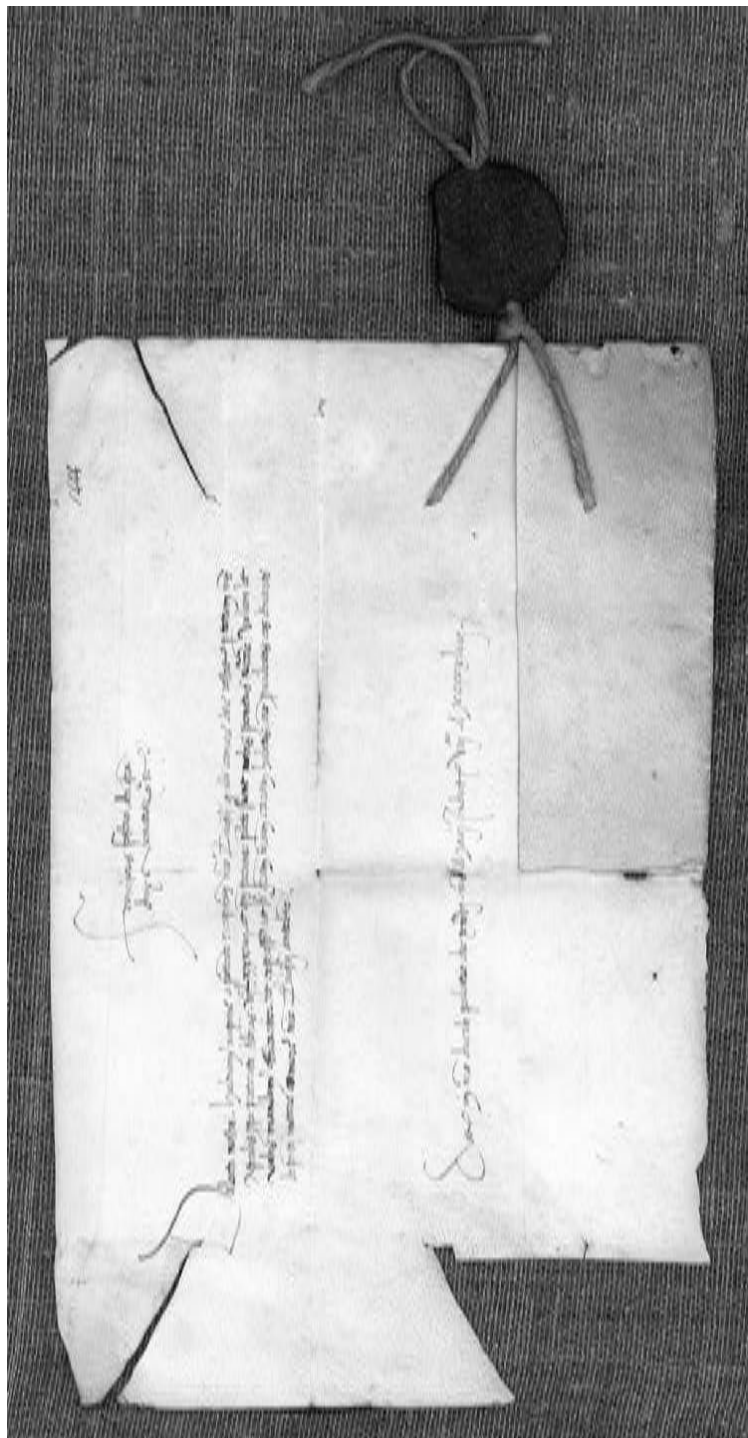

Рис. 17. Закрытое послание (*lettera chiusa*) дожа Венеции Франческо Фоскари 26 мая 1444 г. к коммуне Castello di Zupelle. Приказ выплатить в казну Тревизо сумму за истекший апрель месяц в размере 684 лир (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 187, № 2; публикуется впервые). Пергамен, вислая свинцовая печать на пеньковой веревочке; надрезы по краям пергамена, утрата нижнего левого сегмента раскрытого пакета

Рис. 18. Открытое послание (*lettera aperta*) дожа Венеции Франческо Донато 1 февраля 1547 г., утверждающая постановление Сената об отмене приговора, вынесенного ранее в отношении двух граждан Падуи, и снятия с них обвинения (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 188, № 1; Эрм. 173).

Пергамен, вислая свинцовая печать на плетеном шнуре; повреждения пергамена восполнены при реставрации

Рис. 19. Дворянская грамота канцелярии Вальядолида, составленная от имени короля Испании Филиппа IV 5 апреля 1628 г. в пользу жителей вильи Бурго-дель-Осма Алонсо и Франсиско де Карденья (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 295, № 2; Эрм. 174). Пергамен. 1 — кожаный переплет с золотым тиснением; вислая свинцовая печать на шнуре красного, желтого и синего шелка; 2 — разворот с началом интитуляции (Л. 4–5), между страницами вшита синяя шелковая ткань для сохранности иллюминации, по краям видны фрагменты ленточек желтого и голубого шелка, служивших завязками для переплета

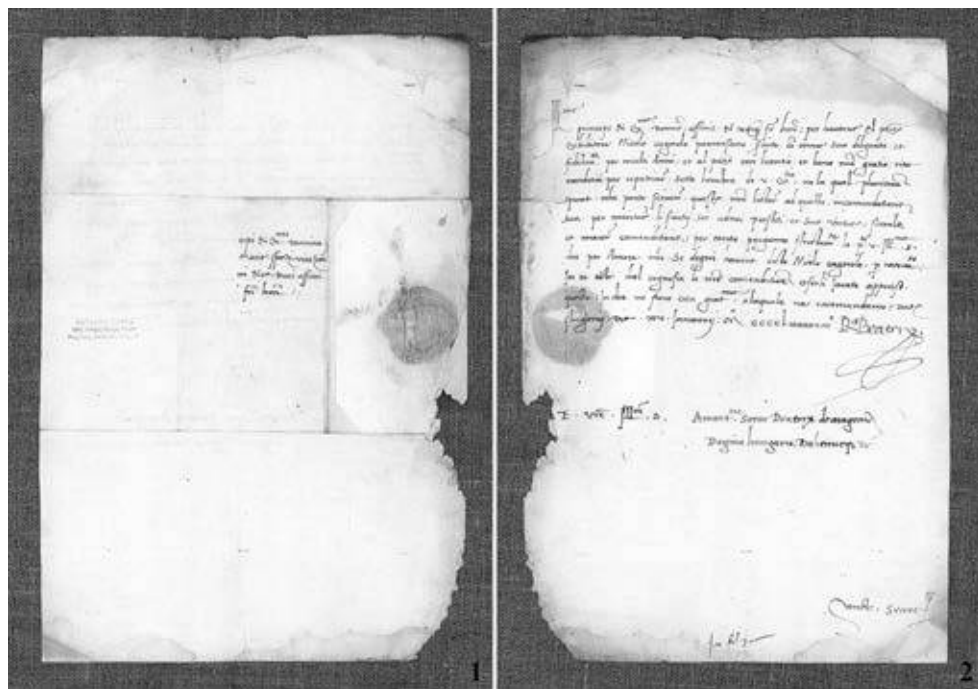

Рис. 20. Письмо Беатриссы Арагонской, королевы Венгрии и Богемии, герцогу Милана Лодовико Мария Сфорца 15 января 1498 г. с рекомендациями находившемуся у нее на службе Никколо Каньолю (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 455, № 5): 1 — оборотная сторона с печатью и частично сохранившимся адресом; штамп миланского коллекционера Дамиано Муони, конец XIX в.; 2 — лицевая сторона с собственноручной подписью («*Regina Beatrix*») и сигнатурой секретаря. Бумага. Прикладная воскомастичная печать под бумажной кустодией, восемь прорезей от бумажной ленточки, запечатывавшей пакет; повреждения бумаги от сырости

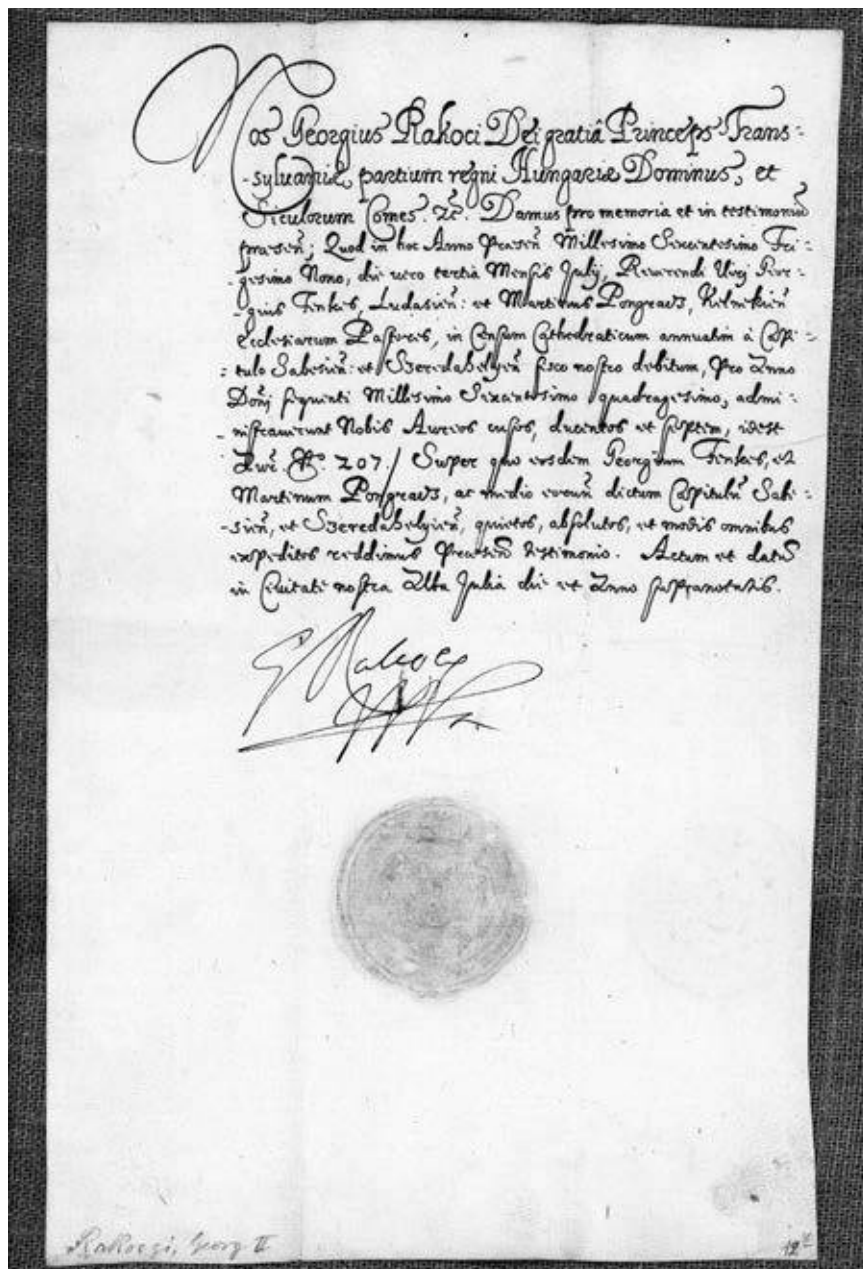

Рис. 21. Удостоверение князя Трансильвании Дьердя Ракоци об уплате в казну ежегодного ценза за будущий год капитулами Sebeș и Mercurea Sibiului, данное священникам церкви Ludoș и Câlnic 3 июля 1639 г. (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 455, № 14). Бумага, печать через бумажный лист. Вдоль нижнего края — карандашные пометы прежних владельцев-коллекционеров

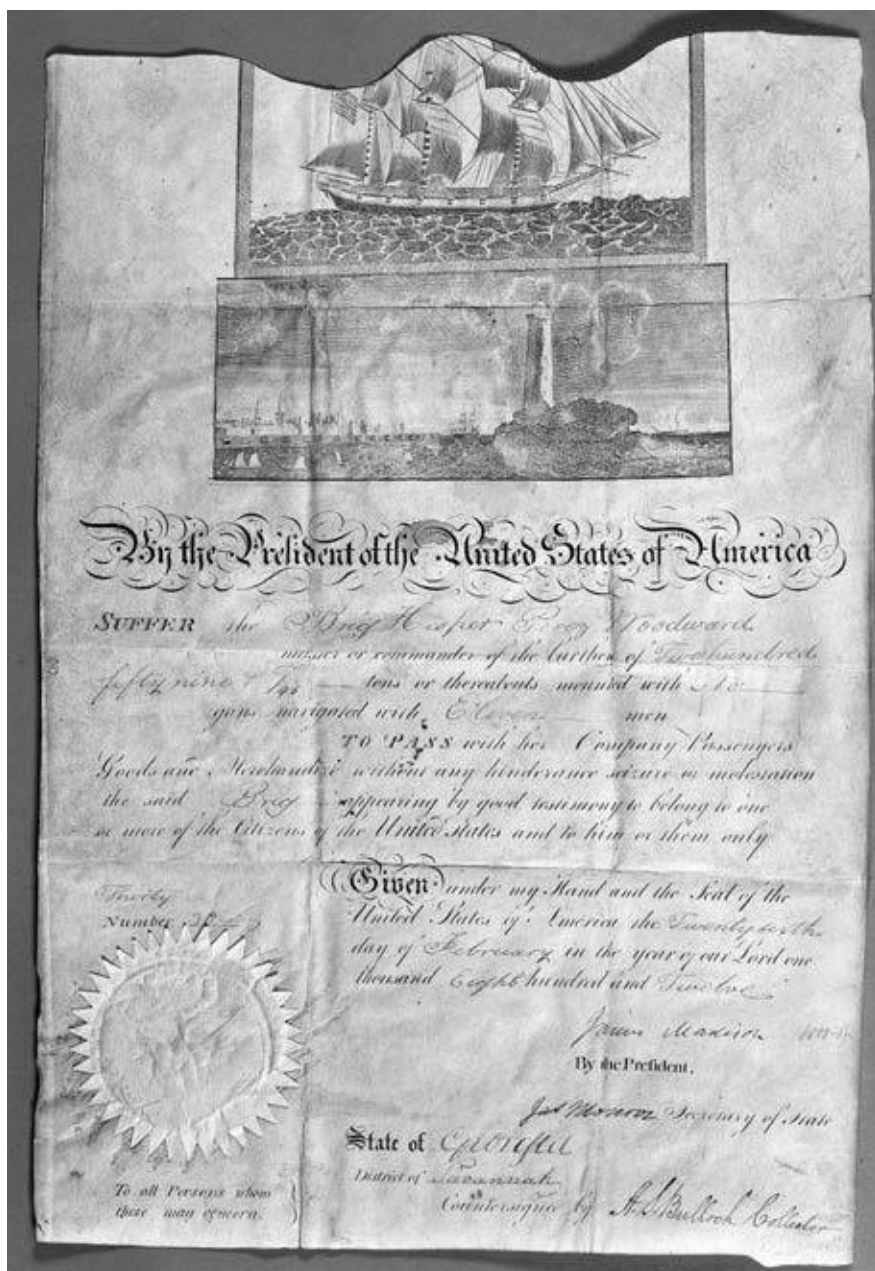

Рис. 22. Судовое свидетельство за подписью президента США Дж. Мэдисона и генерального секретаря Дж. Монро, выданное капитану брига «Hesper» 26 февраля 1812 г. (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 484, № 4; Эрм. 298). Пергамен. Печатный бланк с рисованным хирографом (гравюра на металле), прикладная печать под бумажной кустодией

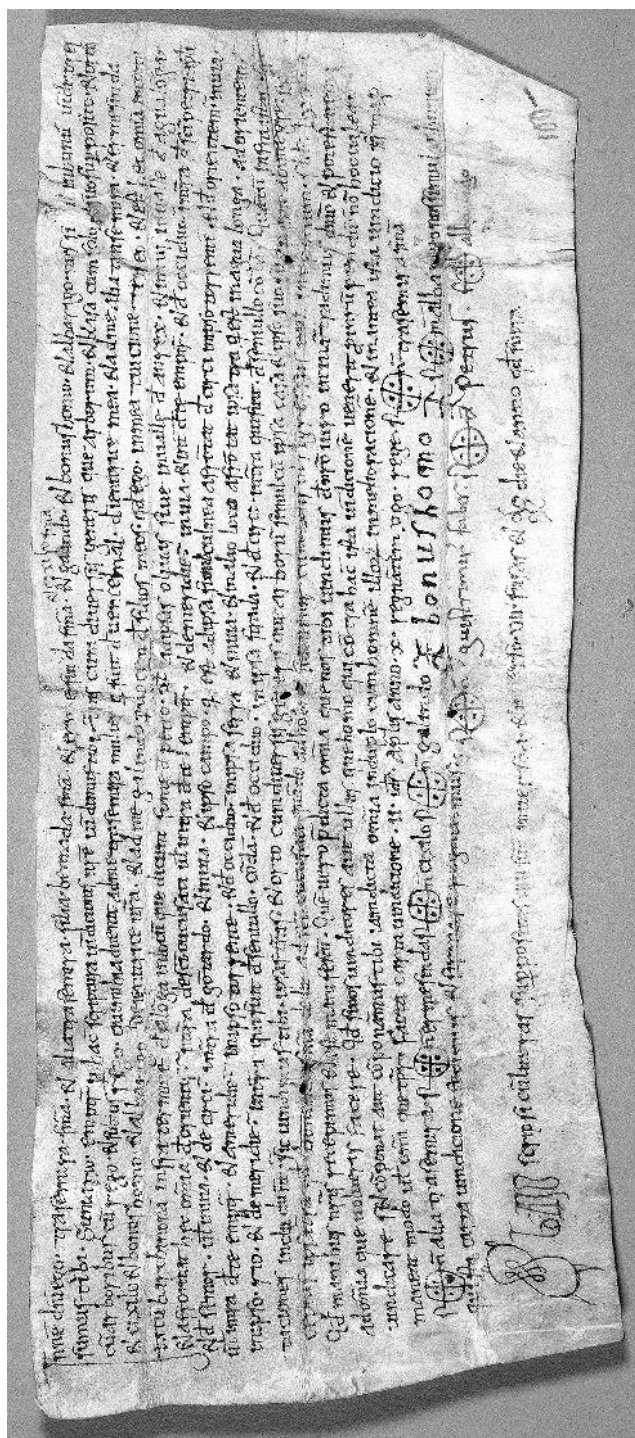

Рис. 23. Договор купли-продажи 12 апреля 997 г. на несколько участков земли в окрестностях Барселоны, в местечке Valldoreix (Архив СПБИИ РАН, ЗЕС. Карт. 290, № 3; Эм. 182). Пергамен. В правом нижнем углу карандашом проставлена цена в 100 марок (мюнхенский антиквариат «Ludwig Rosenthal»). Грамота составлена на испорченной латыни с несоблюдением падежных форм. Пергамен. Нотариальный знак писца, аллографические знаки и подписи шести продавцов, собственноручные подписи трех свидетелей и одного продавца по имени *Bonushomo*.

Исправления в 1-й и 7-й строках

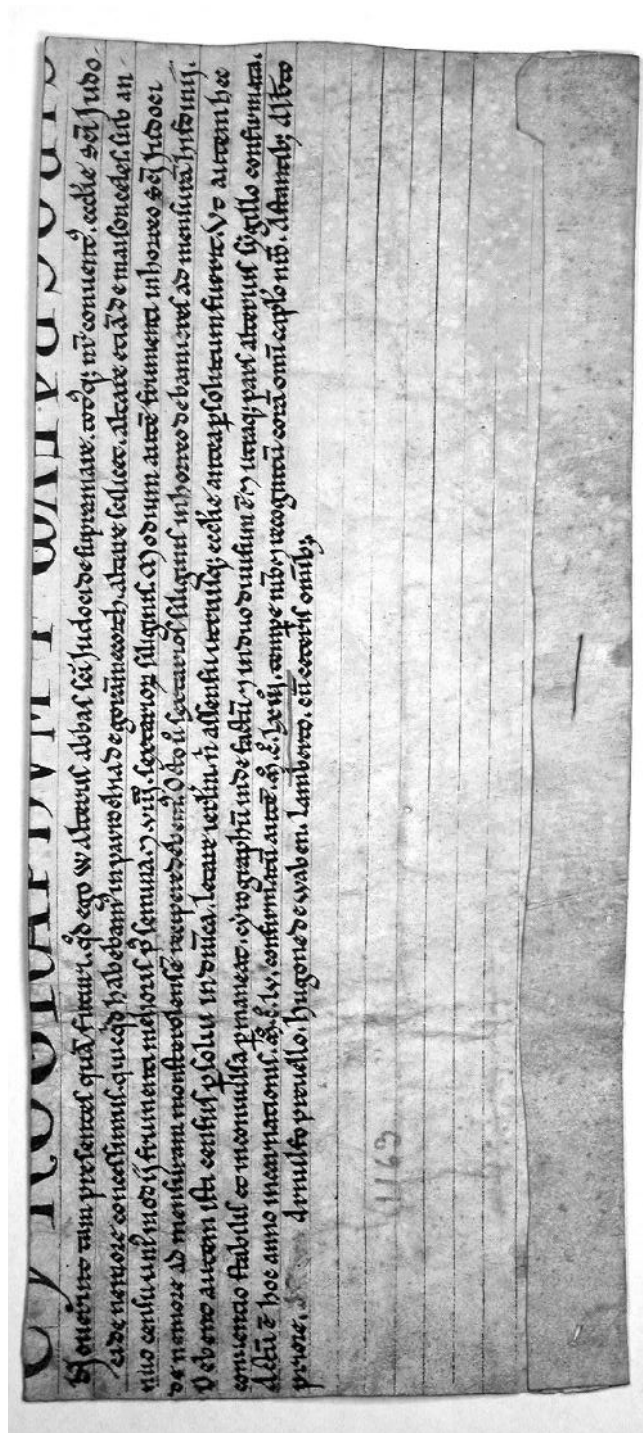

Рис. 24. Соглашение о передаче доходов с приходских церквей между расположенными в Пикардии бенедиктинским аббатством Saint-Josse-sur-Mer и аббатством премонстрантов Saint-Josse-au-Bois, заключенное в 1155 г. и оформленное грамотой в 1163 г. (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 326, № 15; Эрм. 183). Пергамен. Хронограф по верхнему краю грамоты. Вислая печать на пергаменной ленточке утрачена: прорезь посередине плики. Линовка чернилами. На нижнем поле кем-то из прежних владельцев или антикваров надписан карандашом год составления грамоты, почеркнутый в тексте

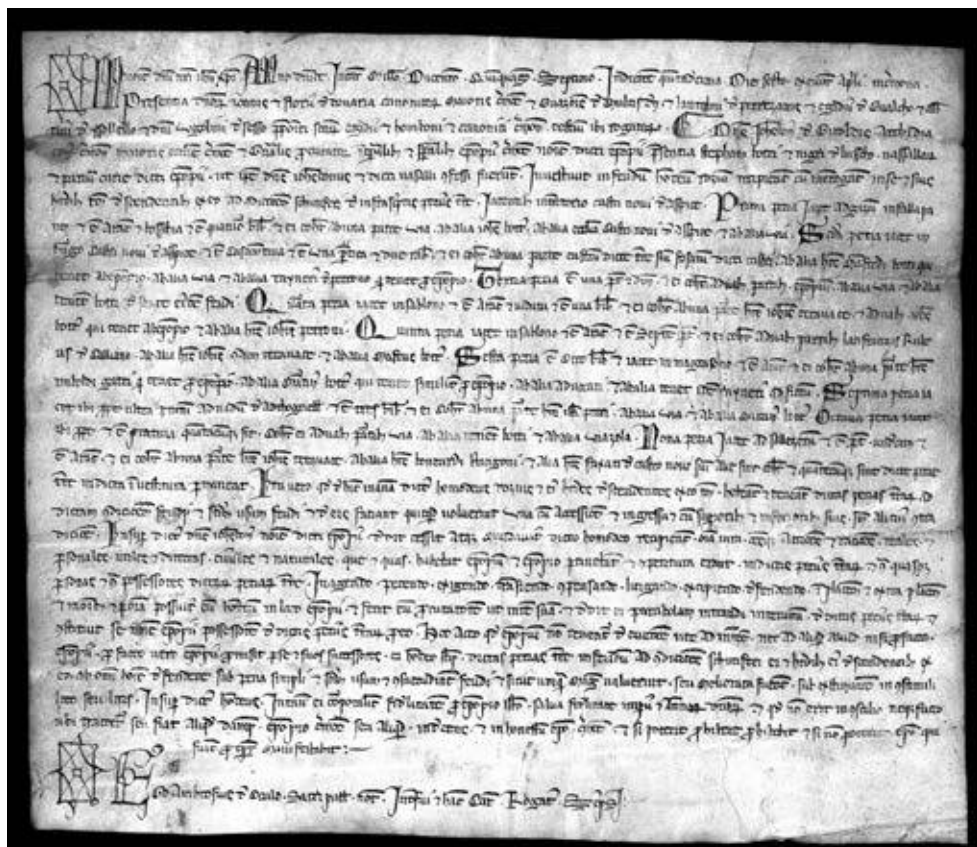

Рис. 25. Акт инвеституры (наделение феодом) на условиях службы в качестве оруженосца, совершенный архидьяконом Кремоны от имени епископа в присутствии вассалов и пэров курии. Нотариальный акт 25 апреля 1257 г. (Акты Кремоны, 1961. № 26; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 127, № 3).

Пергамен

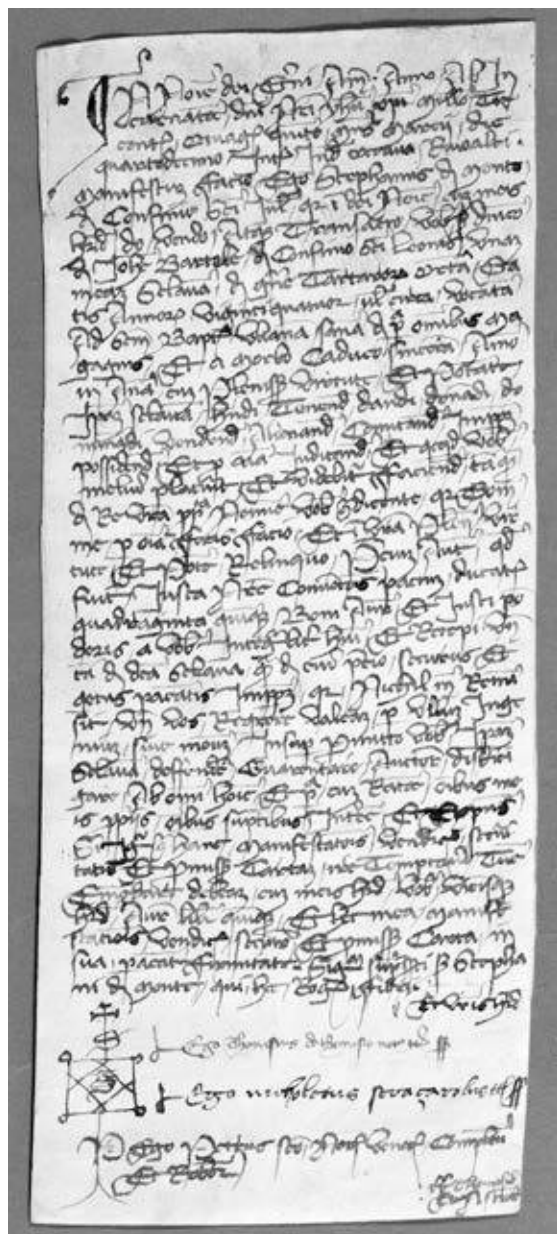

Рис. 26. Купчая на рабыню-татарку. Нотариальный акт 14 марта 1385 г., составленный в Риальто (Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 194, № 18; Эрм. 187). Пергамен. Собственноручный знак продавца, открывающиеся крестами подписи двух свидетелей, нотариальный знак и подпись нотариуса. Ниже знака продавца — вставка слов, пропущенных в 7-й строке. В правом нижнем углу рукой нотариуса записаны сокращенные имена свидетелей

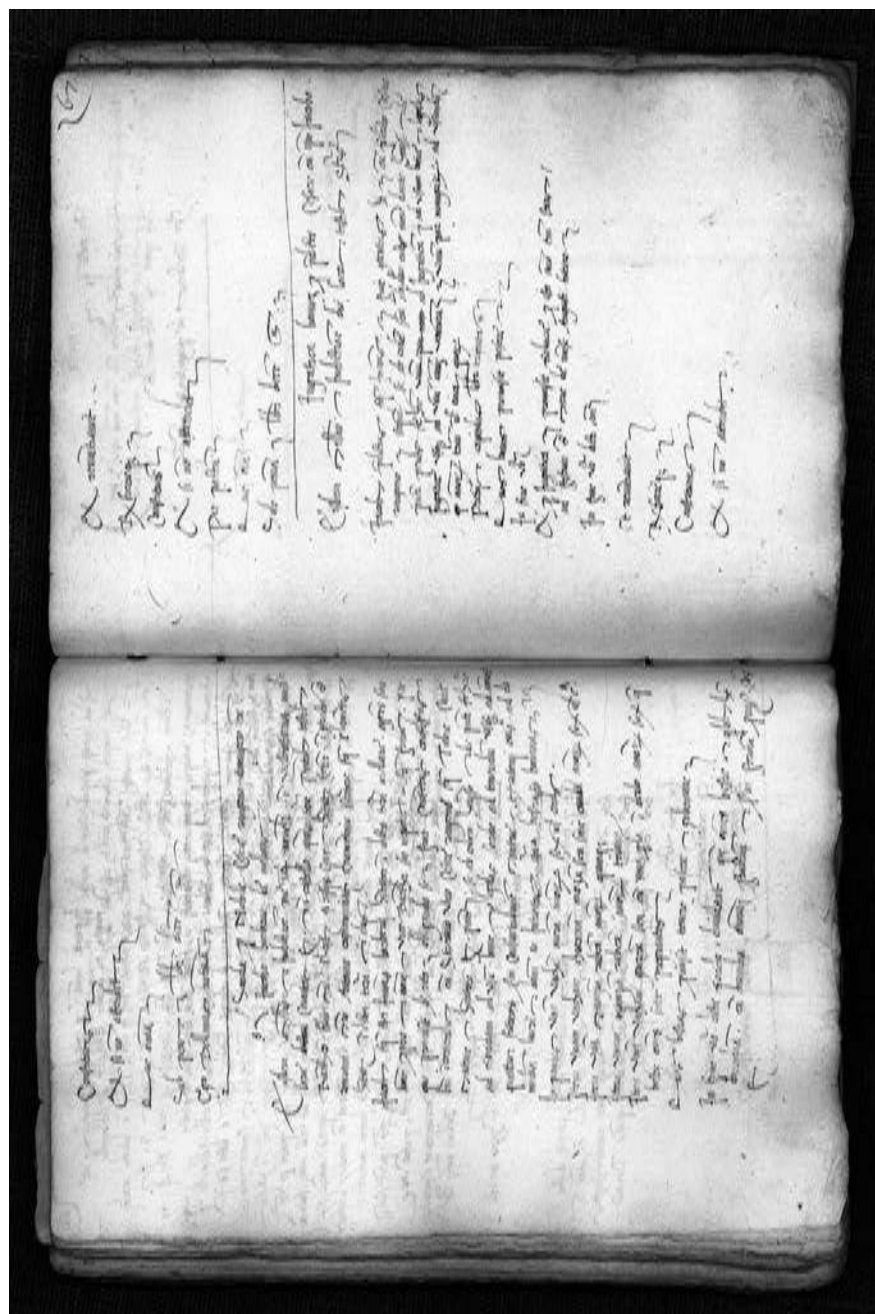

Рис. 27. Договор об аренде скота (*socida*) и пары бычков (*iugatica*).

Запись в книге имбриатур нотариуса Беллино Претостини за 1485 г. (Бернадская, № 77–78; Архив СПбИИ РАН, ЗЕС. Карт. 263, № 1. Л. 66v-67). Бумага. Пергаменный переплет

Научное издание

Александра Викторовна Чиркова
Западноевропейская дипломатика
Средних веков и Раннего Нового времени

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 21.06.2019. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 7,48
Тираж 300 экз. Заказ № 1756

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

